
РОССИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Социально-профессиональная структура населения России¹. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг.²

О.И. ШКАРАТАН, Г.А. ЯСТРЕБОВ

Проведенный в ноябре–декабре 2006 г. представительный опрос экономически активного населения продолжает серию обследований, направленных на получение надежных данных о переходе российского общества к новой системе социальной стратификации, характеризующей особый тип социального устройства современной России, который рассматривается нами как прямое продолжение существовавшей в СССР этакратической системы. Предшествующие обследования проводились в 1994 и 2002 гг. по аналогичной схеме выборки и с использованием аналогичных показателей, спектр которых расширялся и уточнялся с учетом меняющейся социальной ситуации и в связи с анализом результатов предыдущих опросов. Таким образом, мы располагаем надежной и довольно емкой информационной базой, позволяющей на основе сравнительного анализа изучить динамику социальной структуры российского общества в постсоциалистический период и исследовать стоящие за этим социальные процессы. За последние 15 лет в России произошли серьезные качественные изменения в характере социального воспроизводства. Они затронули состав и структуру различных социальных групп как на верхних ступенях социальной иерархии, так и на средних и низших. Кроме того, изменилась сама система статусных индикаторов, по которым определяется положение индивида или группы в социальной иерархии. В данной работе мы акцентируем внимание на некоторых значимых данных, раскрывающих социально-профессиональную структуру населения постсоветской России и изменения в иерархии социальных групп за 1944–2006 гг.

¹ Исследование проводится при поддержке Инновационной образовательной программы Государственного университета – Высшая школа экономики (грант № 06-05-0007 «Социально-экономическое неравенство в современной России») и индивидуального исследовательского гранта Научного фонда ГУ-ВШЭ № 06-01-0082 «Выделение гомогенных групп в социальной структуре российского общества (на материалах представительных опросов экономически активного населения 1994, 2002, 2006 гг.)».

² Опрос 2006 г. был проведен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 06-03-18010е «Становление новой системы стратификации и изменения в характере социального воспроизводства в современном российском обществе».

Теоретико-методологическая база исследования

Цель и задачи исследования

Целью данного исследования является выявление устоявшихся и формирующихся реальных социальных слоев, их реальных экономических, политических (властных) и иных ресурсов, прежде всего человеческого, социального и культурного капиталов, и изучение действия институциональных факторов воспроизводства этих слоев и индивидуального социального статуса на основе данных о межпоколенной и карьерной мобильности индивидов.

На основе анализа информации, полученной в ходе представительных повторных опросов экономически активного населения России, проведенных в январе 1994 г., ноябре–декабре 2002 и 2006 гг. по единой программе, мы намереваемся решить следующие задачи, образующие взаимосвязанные исследовательские блоки:

1. Осуществить выделение реальных социальных групп в социальной структуре российского общества на эмпирическом материале 2006 г. с помощью методологических подходов, разработанных и применявшихся ранее на информационной базе опросов 1994 и 2002 гг., и провести ретроспективно-компаративный анализ динамики социальной стратификации в России.

2. Проанализировать направленность воспроизводства выделенных реальных социальных групп и роль определяющих этот процесс факторов; исследовать динамику социального статуса, процессы накопления и воспроизводства экономических, политических (властных) и иных ресурсов: человеческого, социального и культурного капиталов основных социальных групп в современной России.

3. Рассмотреть процессы формирования в современной России «нового среднего класса» и оценить его роль и функции в контексте сценария информационного пути развития страны.

В состав исследовательской группы наряду с О.И. Шкаратаном – автором данного проекта – входят аспиранты и студенты магистратуры ГУ-ВШЭ С.А. Инясевский, А.Н. Красилова, Ю.М. Крельберг, Т.С. Любимова, Д.А. Смыслов, М.В. Цветкова, Г.А. Ястребов.

Исходные посылки исследования

К концу XX в. в научной литературе все чаще высказывалось мнение, что возникающие в социальном пространстве группы являются не «реальными», а «возможными» классами [Бурдые 1993]. В работах многих видных сторонников постмодернизма (З. Баумана, У. Бека, Д. Пакульски и др.) обосновывалась идея, что в современном обществе люди освобождаются от социальных форм индустриализма, в частности, от деления на социальные классы и слои. На фоне относительно высокого материального уровня жизни и развитой системы социальных гарантий индивиды освобождаются от классово окрашенных отноше-

ний и форм жизнеобеспечения в семье. Они начинают в большей мере зависеть от самих себя и своей индивидуальной судьбы на рынке труда с его рисками, шансами, противоречиями. Другими словами, с точки зрения постмодернистов, взаимосвязь между членством в группе и потреблением нельзя объяснить детерминирующим образом, поскольку индивидуумы ассоциируются с комплексной мозаикой статусных групп, например религиозных групп, чат-групп в Интернете, социальных движений и т. д. Постмодернисты выступили как скептики в отношении сохранения классов или крупных социальных слоев, поскольку, по их мнению, классовый подход не отражает фрагментацию и изменчивость современного потребления [Бауман 2002; Бек 2000; Pakulski, Waters 1995 и др.].

Одной из причин сомнений части социологов в существовании классов является широко распространенная идея связывать существование классов с субъективным ощущением людей относительно своей принадлежности к тому или иному классу. Однако люди, как показали исследования, в развитых обществах воспринимают собственную ситуацию в терминах потребления и жизненного стиля, а не в классовой терминологии. Другими словами, субъективистская атрибуция классовой принадлежности – одна из главных причин, стимулирующих концепции об исчезновении классов, об устарелости самой теории классов. Еще одна причина – доминирующее в среде американских университетских профессоров-традиционалистов нежелание рассматривать классы как коллективно организованные социальные группы. Вместо этого подчеркивается открытый характер американского общества, а стратификационная система Америки представляется как социальная иерархия, состоящая из множества уровней, не имеющих между собой четких границ. Утверждается, что американское общество является бесклассовым обществом открытого типа, «обществом возможностей», в отличие, скажем, от английского – классового, чопорного общества.

Оппонируя концепциям смерти социального класса, Г. Маршалл, профессор Оксфордского университета, в 1997 г. отмечал, что классовый анализ ныне, вероятно, более жизнеспособен, чем когда-либо в его долгой социологической истории. Социальный класс так же важен для понимания индустриальных обществ конца XX в., как для анализа обществ начала XX в., по важнейшим характеристикам – обществ-двойников. Другое дело, что макроструктурные классовые разделения конкретизируются в социальных ресурсах и жизненных шансах, вытекающих из исторически складывающихся специфических гражданских, рыночных и трудовых ситуаций, в которые включаются индивиды. В современном мире жизненные шансы людей все больше зависят от ресурсов образования, культурного и социального капиталов [Marshall 1997].

В 2000–2003 гг. на страницах ведущих западных журналов прошли дискуссии по проблемам социального неравенства и социальных классов. В них приняли участие такие авторитетные представители различных научных направлений, как Дж. Голдторп, Э. Соренсен, Э.О. Райт, Э. Грусски, Д. Скотт и другие. Сопоставлялись традиционные модели классов (как в неомарксистской, так и в неовеберинской интерпретации) и предложенная современными американскими авторами (Д. Грусски и др.) модель социальных классов как рода занятий (occupations), выступающих фундаментальными единицами эксплуатации

[Sorensen 2000; Wright 2000; Goldthorpe 2000, 2002; Rueschemeyer, Mahoney 2000; Grusky, Weeden 2001; Scott 2002; Grusky, Weeden 2002].

Итогом дискуссий была общая позиция признания социальных классов как материальной реальности, имея в виду распределение дохода и собственности и связанные с этим жизненные шансы. В связи с этим участники обсуждений акцентировали внимание на изучении реальных социальных неравенств на основе выявления реальных групп как обладателей определенных ресурсов: экономических – владение землей, предприятиями, рабочей силой и т. д.; политических (власть в обществе, на рабочем месте и т. д.); социальных (доступ к высокостатусным социальным сетям, социальным связям, ассоциациям и клубам); престижных («хорошая репутация»; слава; уважение и унижение); человеческие ресурсы (человеческий капитал) – мастерство, компетенция, обучение на работе, опыт, формальное образование, знание; культурные ресурсы (культурный капитал) – практика потребления, присущая людям с высоким общественным положением; «хорошие манеры»; привилегированный образ жизни. Как утверждает Д. Грусски (и мы с ним согласны), перечисленные блага, ресурсы исчерпывают все основные существующие варианты (другими словами, «сырье») для построения стратификационных систем [Grusky 2001, p. 3–51]. Проблема состоит в нахождении наиболее адекватных индикаторов реальных групп.

У европейских социологов доминирует подход, который с наибольшей прозрачностью и последовательностью выражен Д. Голдторпом. Он исходит из идеи, что, в первую очередь, классовые позиции определяются статусом занятости. Выделяются три основные классовые позиции: работников, нанимателей и самозанятых. Затем проводится разделение работников по характеру занятости, по типу заключенных ими контрактов. Выделенные таким образом классы различаются по специфическим для каждого из них ограничениям и возможностям, в число которых входят те, которые оказывают влияние на индивидуальную экономическую безопасность, стабильность и перспективы.

Мнение, преобладающее в среде европейских социологов, сводится к идее, что разделение на классы – это не произвольное агрегирование профессий или индивидов. Оно имеет прочный концептуальный фундамент; классификация охватывает то, что, как и предполагается в теории, должна охватывать. Взгляды, доминирующие в современной европейской социологической традиции, являются исходным теоретико-методологическим базисом наших собственных классификационных конструкций. Мы относимся к сторонникам классовой теории. Как и многие коллеги на Западе, мы признаем определяющее значение классового подхода в понимании и объяснении идентичности и неравенства.

Российские исследователи, изучающие стратификацию, нередко придают решающее значение активности социального субъекта – индивида, который преследует свои цели, используя все имеющиеся в наличии ресурсы. В этом подходе наиболее значимыми для занятия определенного статуса признаются ресурсы, имеющиеся в распоряжении индивида, действующего субъекта, актора. Нередко основными ресурсами для достижения и поддержания статуса признаются личностные, социально-психологические качества индивида. Домини-

рование социально-психологического подхода началось еще в советские времена. Нелишне привести довольно любопытное наблюдение видного американского социолога и, что в связи со сказанным ниже приобретает особый колорит, социального психолога М. Кона. Зная, что советские социологи – марксисты и, следовательно, сторонники объективированного подхода к стратификации, он вдруг с изумлением обнаружил следующее. Эти самые «марксисты»: «...были весьма склонны трактовать психологические переменные как независимые переменные в причинных объяснениях, а социально-структурные переменные как зависимые». К этой реплике Кон добавляет значимое примечание: «Это стало особенно очевидным в ходе обсуждения моего доклада на американско-советском симпозиуме в Балтиморе (1988 г.), когда вспыхнула полемика между советскими участниками. Мой доклад содержал критику несостоятельной позиции американских социологов, которые считают, что для рассмотрения социальной структуры достаточно исследовать социально-психологические переменные. Один из советских участников – Овсей Шкаратан подчеркнул, что эта критика, по крайней мере, относится в той же степени к советским социологам, как и к американским. Выслушав дебаты между советскими участниками, я присоединился к его позиции. Позднее, когда я приехал с лекциями в Москву и Киев, я публично критиковал советских социологов за то, что они несерьезно отнеслись к работам Маркса. Многие из них знали только политизированного Маркса, понятого через писания Ленина и Сталина» [Kohn 1993, p. 7–8]. К сожалению, волна радикал-либерализма, захлестнувшая социальные науки в 1990-е годы, лишь усилила это психологическое поветрие в отечественной науке.

Мы же придерживаемся более традиционной позиции, согласно которой индивиды рассматриваются либо как элементы социальной системы (структуры) и их действия в решающей степени детерминированы местом в системе социально-экономических отношений. Либо индивиды рассматриваются как элементы культурной системы, и их действия определяются нормами и правилами, сложившимися в данной культуре (например, в «культуре бедности» или в «культуре среднего класса»). Индивидуальное действие выступает как результат социальных переменных, а не личностных качеств. Наш анализ социального неравенства строится на этих основополагающих принципах.

Исходной посылкой исследования является тезис, что Россия относится к евразийской цивилизации, которая существенно отличается от европейской (атлантической) модели по институциональной структуре и системе ценностей. В отличие от стран Центральной и Восточной Европы в России сохранился в преобразованном виде этакратизм с присущими ему слитными отношениями «власть–собственность», которые получили частнособственническую оболочку, но по существу остались неизменными. Крах коммунистической системы в России привел к переходу специфической евразийской цивилизации на новый этап ее эволюции.

Исторические корни современного российского порядка уходят в многовековую историю страны – носительницы евроазиатской православной цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка, правового государства, гражданского общества. Что касается специфических черт

социальной стратификации в России, то здесь нами проверяется гипотеза, согласно которой в современной России сложился своеобразный тип социальной стратификации, который представляет собой переплетение по-прежнему доминирующей сословной иерархии, определяемой рангами во властной структуре, и элементов классовой дифференциации, задаваемой владением собственностью и различиями по месту на рынке труда.

Отсюда и различие исследовательских задач, решаемых нами и западными коллегами. Мы изучаем социальное неравенство и крупные социальные группы в этатристическом обществе, где эти взаимодействующие группы классоподобны, но не являются классами в собственном смысле слова. Их скорее можно определить как сословно-слоевые образования в силу детерминирующих их формирование и воспроизводство факторов. Поэтому необходимо при формировании системы индикаторов для выделения реальных (гомогенных) социальных групп, принимая во внимание применяемые западными социологами критерии, учитывать специфику всей системы социально-экономических отношений, включая особенности отечественного рынка труда и занятости. Как и классы, эти слои внутренне фрагментированы, их представители различаются по характеристикам, связанным с гендером, этнической принадлежностью, религией, типом поселения, регионом и т. д. Последние и сами по себе выступают значимыми источниками неравенства и идентичности.

О литературе по проблеме исследования

Литература по проблемам социальной стратификации в российской социологии достаточно обширна. Однако исследования социальной стратификации, проводившиеся в советское время Ю. Арутюняном, З. Голенковой, Л. Гордоном, Т. Заславской, Э. Клоповым, Р. Рывкиной, О. Шкаратаном и другими, были преимущественно основаны на таких критериях, как уровень образования и квалификации, род занятий, содержание труда и различие в доходах. Эти исследования не давали исчерпывающего объяснения причинам и механизмам социальной дифференциации. Зарубежные же специалисты, относясь по своей ментальности к западному типу культуры, многие явления оценивали в категориях, отражавших западный образ жизни, не воспринимая советское и постсоветское общество как особую структуру, принадлежащую, возможно, к другому типу цивилизации.

В постсоветской России был осуществлен ряд исследований, авторы которых стремились зафиксировать и объяснить тенденции складывания новой социальной структуры постсоветского российского общества. Перечислим основные отечественные работы по данной тематике: *Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация (1917–1996 гг.). Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского унта, 1996; *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. 2-е изд. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 1996; *Константиновский Д.Л.* Динамика неравенства: российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999; *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономи-

ке. М.: РОССПЭН, 1999; фундаментальная монография под редакцией Т.М. Малевой «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии» (М.: Гендальф. 2003); «Социальная стратификация российского общества» под ред. З.Т. Голенковой (М.: Изд-во «Летний сад», 2003); «Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс» под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой (М.: Наука, 2004); *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005; *Шкаратан О.И., Ильин В.И.* Социальная стратификация России и Восточной Европы. Сравнительный анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.

Реализован ряд проектов, направленных на изучение социального расслоения в России, выполненных совместно с западными исследователями. Результаты одного из них представлены в книгах: «Work and Welfare in the New Russia» (Manning N., Shkaratan O., Tikhonova N. Aldershot: Ashgate, 2000) и «Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств» (Н.М. Давыдова, Н. Меннинг, Т.Ю. Сидорина и др.; под общ. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2003). Итоги другого совместного проекта отражены в книге «Социальный капитал и социальное расслоение в современной России» Дж.Л. Твигг, К. Шектер (М.: Альпина, 2003).

Ряд зарубежных исследователей также предприняли попытки провести социологический анализ новых процессов в классовых отношениях в постсоветской России: D. Lane [Lane 2005; Лэйн 2006], M. Kivinen [Кивинен 1994, 2004; Kivinen 1998], N. Manning [Manning 2004], T. Gerber [Gerber 1996, 2002, 2004] и др.

Литература по проблемам социального воспроизводства в мировой и российской социологии по преимуществу представлена смежными исследованиями по социальной мобильности. Однако исследования социальной мобильности и социального воспроизводства, проводившиеся в 1970–2000-е годы, велись, как правило, в непересекающихся плоскостях. Накопленный в течение десятилетий огромный эмпирический материал по мобильности почти не интерпретирован в концептуальных подходах создателей теорий социального воспроизводства. Это воспроизводство отражает как действие универсальных законов социального развития, так и специфические черты развития конкретных социальных организмов (государств, регионов), национальные традиции, выраженные в ценностях и нормах межгрупповых взаимодействий и связей. Теория социального воспроизводства притязает на подлинное раскрытие процессов развития социальных отношений, социальной структуры в существующих обществах.

Социальная мобильность, на наш взгляд, является формой латентного процесса, образующего сердцевину преобразований в стратификационных системах – социального воспроизводства (воспроизводства социальных отношений и социального статуса индивидов).

Проблематика социального воспроизводства стала основательно изучаться как западными, так и отечественными исследователями, начиная с 1970-х годов. Инициаторами этого научного направления были П. Бурдьё и его коллега Дж. Пассерон (*Bourdieu P., Passeron J.C.* Reproduction in Education. Society and Culture. L., 1977). Они исследовали влияние воспроизводственной функции об-

разовательной системы на классовое и культурное неравенство. Внимание ученых было направлено на изучение изменений в социально-профессиональной структуре общества под воздействием факторов образования и социального капитала.

В 1970–1980-е годы и в советской социологии тема социального воспроизводства привлекла внимание исследователей. Теоретические и методологические основы социально-профессионального воспроизводства были заложены в работах О.И. Шкаратана [Шкаратан 1974], Э.К. Васильевой [Васильева 1978], В.И. Лукиной и С.Б. Нехорошкова [Лукина, Нехорошков 1982], В.Ф. Черноволенко и В.И. Паниотто [Черноволенко, Паниотто 1984], В.О. Рукавишников [Рукавишников 1977]. В исследованиях этих авторов анализировалось воспроизводство структуры трудовой занятости, существенное внимание уделялось теме воспроизводства городских общностей.

В 1990 – начале 2000-х годов интерес западных исследователей к анализу социального воспроизводства в значительной мере упал в связи с относительной устойчивостью этих обществ на протяжении последних десятилетий. Однако исследования продолжились [Kaufman 2002; Nettle 2003; Morgan, Grusky, Fields 2006 и др.]. Причем наиболее интересные из них носили межстрановой сравнительный характер или охватывали большой исторический период [Vallet 2004; Wright 1997; Kohn 2006; DiPrete 2002; Solga 2001; Vermeulen, Perlmann 2000; Warren, Hauser 1997 и др.].

Проблемное поле современных работ в этой области в основном сосредоточено на исследовании динамики социальных структур трансформирующихся обществ. Такова, например, работа Хироши Ишиды и группы соавторов [Ishida, Muller, Ridge 1995], которые осуществили сравнительное исследование восьми развитых европейских и двух восточноевропейских стран. Авторами были выявлены характерные особенности воспроизводства разных социально-профессиональных слоев, а также проанализированы различия в социальном воспроизводстве в странах бывшего социалистического лагеря по сравнению с капиталистическими. Среди современных западных работ следует отметить исследования Виктора Ни и Янджи Биана [Nee 1991, 1996; Bian 2002], в которых анализируются трансформационные процессы в китайском обществе, а также работу Эндрю Вальдера [Walder 1995], который на примере китайского общества анализировал вертикальную мобильность. Изучению социальной мобильности и социального воспроизводства в постсоциалистических странах, в том числе и в России, уделяется внимание в работах таких авторов, как: Адамски, Махонин, Цапф [Adamski, Machonin, Zapf 2002], Теодор Гербер [Gerber 1996, 2002], Карен Ашаффенбург и Маас Инеке [Aschaffenburg, Ineke 1997].

В постсоветской России был осуществлен ряд интересных исследований, авторы которых стремились зафиксировать и объяснить тенденции складывания новой социальной структуры постсоветского российского общества. Анализу социального воспроизводства на макро-, мезо- и микроуровнях уделяется при этом неоправданно малое внимание. Одно из исключений – опубликованная в 1999 г. книга Н.Е. Тихоновой «Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике» [Тихонова 1999]. В своей монографии автор

сопоставляет два доминирующих в научной среде подхода к анализу воспроизводства: структуралистский и функционалистский. Весь пафос, вся аргументация Тихоновой сосредоточены на обосновании именно функционалистской парадигмы. Автор монографии рассматривает личностные социально-психологические характеристики людей в качестве основных факторов, определяющих их адаптационный потенциал в условиях трансформирующегося российского общества и, как следствие, место в социальной иерархии (см. анализ предложенной Н.Е. Тихоновой парадигмы в книге Г.Г. Дилигенского [Дилигенский 2002, с. 19–21]). Аналогичный, ресурсный подход был использован для анализа социальной мобильности в трансформирующейся России в исследовании Л.Б. Косовой [Косова 2003].

Из отечественных исследований, посвященных анализу социальной мобильности и строящихся на структуралистской парадигматике, можно назвать цикл публикаций М.Ф. Черныша, подытоженных в его монографии «Социальные институты и мобильность» [Черныш 2005], где основной акцент в исследовании социальных перемещений был сделан на изучении роли социальных институтов и практик.

Тем не менее специальных исследований реальных социальных слоев и их воспроизводства никто (насколько нам известно) не проводил. Первоначально под руководством одного из авторов этой статьи был осуществлен цикл пилотажных исследований, представляющих собой первую попытку выделения реальных социальных групп и изучения их воспроизводства в постсоциалистической России [Шкаратан, Сергеев 2000; Сергеев 2002; Бондаренко 2002; Шкаратан, Бондаренко, Крельберг, Сергеев 2003; Шкаратан 2003]. В 2007–2008 гг. мы предполагаем завершить эти исследования, опираясь, на собранный в ходе повторных представительных опросов (1994, 2002, 2006 гг.) эмпирический материал и на теоретико-методологические разработки, обобщенные в монографии О.И. Шкаратана и В.И. Ильина «Социальная стратификация России и Восточной Европы. Сравнительный анализ» [Шкаратан, Ильин 2006].

Исследование становления новых форм социального расслоения в России

На новом этапе развития России мы возвращаемся к вопросу, который активно обсуждался в 1960 – начале 1970-х годов. Тогда социологи, в противовес официальной доктрине об эгалитарном строении советского общества, активно выдвигали концепции социального неравенства и в связи с этим занимались поиском естественного, реального набора относительно однородных социальных групп, состоящих из людей с более или менее близкими, сходными характеристиками.

Однако и поныне не только в отечественной, но и в преобладающей части зарубежной литературы доминирует рассмотрение лежащих на поверхности данных о номинальных социальных слоях и об индивидуальных межпоколенных (отец – сын, мать – дочь) и внутривнутрипоколенных (карьерных) социальных перемещениях индивидов по номинальным социальным позициям. Мы же видим смысл своего исследования в раскрытии латентных факторов воспроизвод-

ства реальных социальных слоев в условиях трансформирующегося общества, т. е. когда меняется «список» и параметры этих социальных слоев и групп. В иных терминах, мы ставим целью перейти от анализа статистических (номинальных) групп, выделенных по формальным признакам, к анализу реального социального воспроизводства реальных социальных групп/слоев. За единицу измерения принимается индивид.

При изучении социальной структуры обычно стремятся выделить социальные группы на основе разграничивающих их критериев. Таких критериев было разработано довольно большое число. Однако вопрос об их реальной значимости до сих пор является дискуссионным. Осуществление нашего проекта обязывало авторов идти на поиск новых по отношению к области исследования стратификационных иерархий технологий для анализа процессов складывания, функционирования и воспроизводства реальных социальных слоев в трансформирующемся обществе. Успешное нахождение и использование таких технологий означало бы не только концептуальный, но и методологический прорыв в теории социальной стратификации.

Итоги нашего первого этапа работы по выделению реальных социальных групп (слоев) в российском социуме по материалам опроса 1994 г. показали, что реальная группа (слой) обладает, как правило, набором характеристик, за которыми скрывается имманентная данному социальному субъекту сущность = характер связывающих людей между собой реальных отношений (власти, эксплуатации и т. д.). Что касается вопроса о показателях реальности той или иной группы, то, прежде всего, следует заметить, что эти группы выступают субъектами и объектами реальных отношений, для них характерны гомогенность по основным статусным характеристикам, способность к самовоспроизводству и отличная от других групп система социальных связей. Способность к самовоспроизводству обеспечивает репродуцируемость ядра слоя (группы) как условия, определяющего устойчивость, наряду с необходимой изменчивостью наблюдаемого разнообразия деятельностей, потребностей и ценностей [Шкаратан, Сергеев 2000].

Таким образом, реальные группы, в противоположность статистическим (номинальным) группам, выделенным по какому-то отдельно взятому признаку, это социальная целостность, характеризуемая общностью условий существования, причинно взаимоувязанными сходными формами деятельности в разных сферах жизни, единством норм, ценностей, черт образа жизни. В их состав входят индивиды со сходными параметрами властных полномочий, владения собственностью, человеческого, культурного и социального капиталов; они обладают сходными потребностями и интересами, общими социальными нормами и ценностями; взаимной идентификацией; сходной мотивацией; символами; стилем жизни. Поэтому к реальным группам вполне применимо также наименование «гомогенные группы»

Нашему подходу к категории «группа» близка позиция известного социолога из США Питера Блау (Peter Blau). Он писал, что группа – это «класс» людей, члены которого «коллективно взаимодействуют больше друг с другом, чем с людьми извне. Они не обязательно находятся в прямом контакте как члены пер-

вичных групп. Многочисленные исследования подтверждают, что, скажем, ролевые отношения между руководителями и подчиненными отличаются от отношений между последними; и что различия в социально-экономическом статусе препятствуют дружеским отношениям и складыванию брачных связей. Дружеские отношения преобладают между членами одной и той же группы (этнической, класса, слоя)» [Blau 1974].

Что касается учета уже отмеченных выше специфических черт нашей отечественной действительности, предопределяющих отбор индикаторов для анализа неравенства, то здесь в основу была положена концепция, согласно которой в современной России сформировался своеобразный тип социальной стратификации в виде переплетения сословной иерархии и элементов классовой дифференциации, устойчиво воспроизводящийся в течение последних лет. Поэтому необходимо при выделении реальных социальных групп, учитывая применяемые западными социологами критерии, принимать во внимание специфику отношений власти и собственности и других значимых в социальном расстройении общества ресурсов, характер отечественного рынка труда и занятости. Именно так и было проведено нами распределение респондентов (на материалах представительных опросов 1994, 2002 и 2006 гг.) по сословно-слоевым (классоподобным?) позициям.

Факт существования реальных социальных слоев и характер их воспроизводства требуется проверить на надежном эмпирическом материале. Выбор адекватного источника информации предполагает принятие определенной позиции относительно критериев социальной дифференциации. Мы рассматриваем индивидов как элементы социальной системы, объясняя их действия детерминированностью их позиции в системе социэкономических отношений. Основными ресурсами для достижения и поддержания статуса признаем экономические, политические (властные), социальные, человеческие и культурные.

Наша задача состоит в том, чтобы, опираясь на материалы представительных опросов, проведенных для изучения социальной стратификации и ее динамики, получить реальную сбалансированную картину социальной стратификации населения по тем его группам, представители которых попали в число наших респондентов. Опросы, на материалы которых мы в основном опираемся в последующем анализе, прошли в январе 1994 г. и повторно в ноябре-декабре 2002 и 2006 гг. (Более полно методические вопросы исследований 1994 и 2002 гг. изложены в: [Шкартан 2003].

Опросы были проведены с применением одного и того же инструментария, по одной и той же схеме выборки и по одному и тому же объекту – населению Российской Федерации. Подобные повторные исследования имеют мало общего с панельными опросами. Если цель панельного опроса – исследование изменений мнений и поведения, то цель повторных обследований (в том числе и опросов) – изучение изменений фундаментальных социальных характеристик объекта (уровня и качества жизни, положения в сфере занятости, характера и форм проведения досуга и т. д.). Поэтому повторные исследования особенно важны в периоды трансформационных изменений общества, когда качественно преобра-

зуются его институциональная и социальная структуры. Именно повторные исследования позволяют провести анализ не только функционирования, но и процессов воспроизводства, развития изучаемого социального объекта, а также разрабатывать прогнозы социального развития.

Наши опросы охватили представителей экономически активной части населения, включенных в рынок труда. Следовательно, пенсионеры, инвалиды, студенты, как одиночки, так и образующие самостоятельные семьи, в состав респондентов не входят. Кроме того, в состав респондентов, как, впрочем, и в других представительных опросах, не вошли как аутсайдеры, оказавшиеся на социальном дне, так и наиболее продвинутые члены общества. Но для целей проводившегося исследования это не представлялось критичным, поскольку задача состояла в выявлении социально-экономической дистанции между основными слоями нашего общества.

Что касается элитарных групп населения или, согласно другой терминологии, высших слоев, то, кроме качественных исследований, практически нет серьезной систематической информации об этих группах. «Рублевки» как в Подмосковье, так и в окрестностях других крупных городов, где сосредоточены самые достаточные сограждане страны, фактически для социологов недоступны. Доходы самых высокооплачиваемых членов общества непрозрачны. Не лучше обстоит дело и с возможностями собрать статистически обоснованные данные по социальным аутсайдерам типа бомжей. Поэтому мы можем более или менее точно отразить дифференциацию только основной части населения, без его полярных групп. Тем самым мы с самого начала можем рассуждать о весьма приблизительной картине социально-экономической стратификации по материалам, предлагаемым итогами различных социологических опросов.

Схема выборки и сверка данных

Массовый опрос, охвативший 2500 человек, был выполнен в ноябре–декабре 2006 г. на федеральной сети респондентов, организованной Центром социального прогнозирования. Данный Центр функционирует с 1998 г. и ежегодно проводит около 40–45 исследований, половину которых составляют общероссийские исследования, осуществляемые преимущественно по заданиям федеральных министерств. Часть средств на проведение опроса была получена по специальному гранту РГНФ № 06-03-18010е «Проведение представительного опроса Становление новой системы стратификации и изменения в характере социального воспроизводства в современном российском обществе».

Опрос проводился по квотной выборке, которая должна была обеспечить представительность по половозрастным характеристикам, образованию и типам поселений. Интервьюеры соблюдали только квоты и записывали род занятий, образование и адрес респондента. При построении выборки обследования в качестве основного географического критерия выбрано территориально-экономическое деление Российской Федерации. Территориально-экономические районы включают соответственно единообразные территориальные субъ-

екты, схожие по географическому ландшафту, структуре экономики (преимущественно легкая или тяжелая промышленность, машиностроение, добыча, сельское и лесное хозяйство), социальной структуре и в итоге – по уровню дохода и характеру образа жизни населения.

Используемая в нашем исследовании выборка состояла из трех ступеней. На первой ступени было отобрано 24 объекта в 11 территориально-экономических районах России и отдельно два мегаполиса: Москва и Санкт-Петербург. Объем выборочной совокупности по численности был распределен пропорционально выбранным объектам (по данным государственной статистики на конец 2005 г.). По территориально-экономическим районам в состав этих объектов вошли: Северный район – Архангельская область; Северо-Западный район – Новгородская область; Центральный район – Владимирская, Калужская, Рязанская и Ярославская области; Волго-Вятский район – Нижегородская и Кировская области; Центрально-Черноземный район – Воронежская и Липецкая области; Поволжский район – Республика Татарстан, Саратовская и Волгоградская области; Северо-Кавказский район – Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края; Уральский район – Республика Башкортостан, Свердловская и Челябинская области; Западно-Сибирский район – Кемеровская и Новосибирская области; Восточно-Сибирский район – Иркутская область и Краснодарский край; Дальневосточный район – Хабаровский край.

На второй ступени пропорционально доле в составе населения в каждом из объектов были вычислены квоты жителей по типу поселения (областные центры, районные города, поселки городского типа и села). См. Приложение 1, табл. 1. На третьей ступени для опроса респондентов интервьюерам были заданы квоты по половозрастным признакам и уровню образования. Эти квоты рассчитаны в соответствии с пропорцией групп населения по отдельным территориально-экономическим районам так, чтобы в сумме они обеспечили в выборочной совокупности пропорцию представителей взрослого населения (старше 18 лет) по перечисленным параметрам в целом по России. См. Приложение 1, табл. 2–3. Данные для расчета квот были взяты из официальной государственной статистики на конец 2005 г.

После кодировки бланков, собранных в ходе опроса, полученный информационный массив был проверен на репрезентативность на основе данных государственной статистики по генеральной совокупности (экономически активному, занятому населению), а также сопоставлен с материалами выборки центров изучения общественного мнения, занимающихся сбором представительной информации по населению (Левада-центр и Фонд «Общественное мнение»). Мы проверяли, во-первых, соблюдение интервьюерами опросных квот, рассчитанных при построении схемы выборки, и, во-вторых, степень соответствия выборки и генеральной совокупности по показателям, не вошедшим в список квотируемых: распределение занятых по отраслям экономики и доходным группам.

Таблица 1. Распределение по типу поселения (в % к итогу)

	Росстат (конец 2005 г.) ³	Левада-центр (сентябрь 2006 г.) ⁴	ФОМ (ноябрь 2006 г.) ⁵	Опрос (декабрь 2006 г.)
Городское население	77,2	73,9	77,0	79,0
Сельское население	22,8	26,1	23,0	21,0
Всего	100	100	100	100

Таблица 2. Распределение по полу (в % к итогу)

	Росстат (конец 2005 г.) ⁶	Левада-центр (сентябрь 2006 г.)	ФОМ (ноябрь 2006 г.)	Опрос (декабрь 2006 г.)
Мужчины	50,6	34,2	48,0	49,3
Женщины	49,4	65,8	52,0	50,7
Всего	100	100	100	100

Таблица 3. Распределение по возрастным группам в сверке с государственной статистикой (в % к итогу)

Возрастные группы	Росстат (конец 2005 г.)	Опрос (декабрь 2006 г.)
18–24	11,6	12,1
25–29	12,9	13,3
30–34	12,4	13,2
35–39	11,7	12,4
40–44	14,5	14,5
45–49	14,5	14,7
50–54	12,1	12,2
55–59	6,7	7,2
60–72	3,6	0,4
Всего	100	100

³ [Экономическая активность населения 2006].⁴ Здесь и далее приведены данные регулярного «Мониторинга» Левада-центра. Объем выборки – 2107 респондентов.⁵ Здесь и далее приведены данные общероссийского опроса ФОМа по репрезентативной выборке в 1954 населенных пунктах 69 субъектов РФ, областей, краев и республик всех экономико-географических зон России, 15–28 ноября 2006 г. Объем выборки – 34500 респондентов старше 18 лет. Интервью по месту жительства респондента.⁶ [Россия в цифрах 2006].

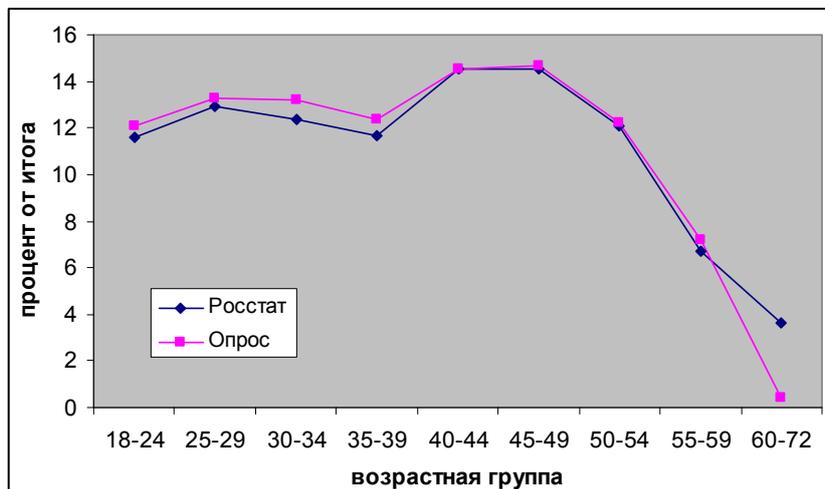

Диаграмма 1. Распределение по возрастным группам в сверке с государственной статистикой

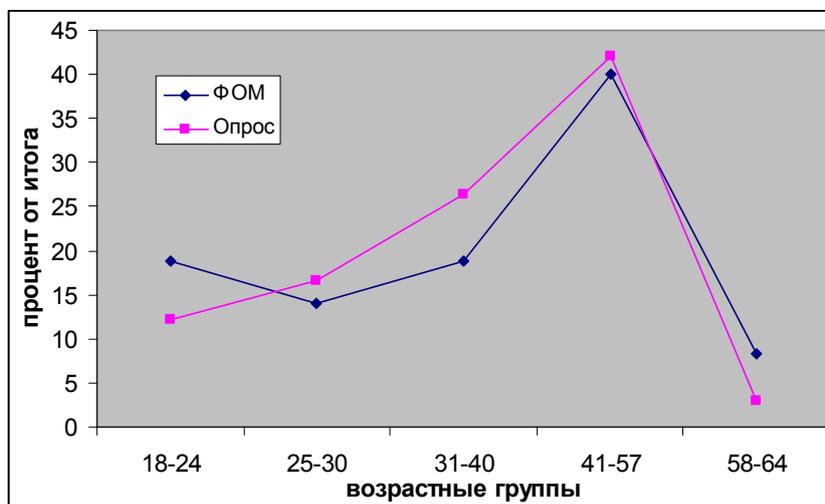

Диаграмма 2. Распределение по возрастным группам в сверке с выборкой Фонда «Общественное мнение» (в % к итогу)

Разница, наблюдаемая в последнем возрастном интервале, связана с несоблюдением квот, рассчитанных для построения выборки. При квотировании возрастные квоты были ограничены 59 годами.

Таблица 4. Распределение по возрастным группам в свертке с выборкой Фонда «Общественное мнение» (в % к итогу)

Возрастные группы	ФОМ (ноябрь 2006 г.)	Опрос (декабрь 2006 г.)
18–24	18,8	12,1
25–30	14,1	16,6
31–40	18,8	26,3
41–57	40,0	42,1
58–64	8,3	2,9
Всего	100	100

Таблица 5. Распределение по возрастным группам в свертке с выборкой Левада-центра (в % к итогу)

Возрастные группы	Левада-центр (сентябрь 2006 г.)	Опрос (декабрь 2006 г.)
-29	25,8	25,3
30–49	32,8	54,8
50+	41,4	19,9
Всего	100	100

Таблица 6. Распределение по уровню образования (в % к итогу)

Уровень образования	Росстат (конец 2005 г.) ⁷	Левада-центр (сентябрь 2006 г.)	ФОМ (ноябрь 2006 г.)	Опрос (декабрь 2006 г.)
1. Высшее профессиональное	24,7	22,4	16,0	24,0
2. Неполное высшее профессиональное	1,9			2,5
3. Среднее профессиональное	25,4	55,8	40,0	30,8
4. Начальное профессиональное	18,3		31,0	14,5
5. Среднее (полное) общее	22,7			18,2
6. Основное общее	6,3	21,8	12,0	6,7
7. Начальное общее, не имеют начального общего образования	0,7			3,1
Всего	100	100	100	100

⁷ [Россия в цифрах 2006. Раздел 6.5].

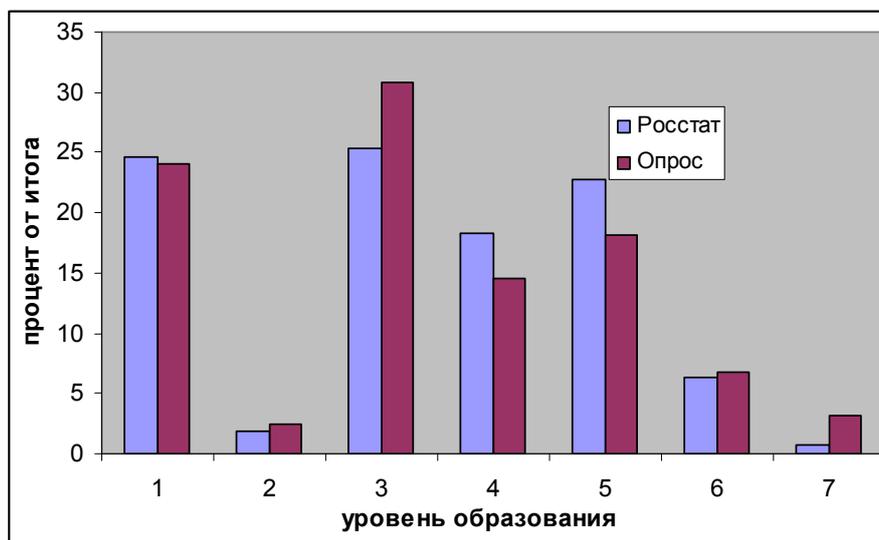

Диаграмма 3. Распределение по уровню образованию в сверке с государственной статистикой

Как видно из представленного выше сравнительного материала, в целом по контролируемым (квотируемым) показателям нам удалось получить достаточно качественную выборку респондентов, соответствующую генеральной совокупности, которую описывает государственная статистика. В сравнении с выборками альтернативных источников выявилось серьезное расхождение с данными Левада-центра, которые характеризует сильное смещение в сторону старших поколений. Однако мы не склонны связывать это с ошибкой в наших расчетах при конструировании выборки и полагаемся на надежность данных Росстата и Фонда «Общественное мнение», которые демонстрируют идентичные с нашими выборочные схемы.

Качественные совпадения были получены в ходе сравнения данных о совокупности по неконтролируемым показателям. В частности, мы стремились проверить качество метода обеспечения представительности выборки на основе имитации территориально-экономического деления России. В связи с этим при сравнительном анализе не была неожиданной схожесть контуров распределения занятого населения по отраслям экономики по данным нашего опроса и данным государственной статистики. Согласно приведенному ниже материалу некоторые несоответствия наблюдаются в обрабатывающей промышленности, сфере образования, культуры и здравоохранения. Однако данная ошибка не является критичной, учитывая размер нашей выборки.

Таблица 7. Распределение по отраслям экономики (в % к итогу)

Отрасли экономики	Росстат (конец 2005 г.) ⁸	Опрос (декабрь 2006 г.)
Сельское и лесное хозяйство	10,6	9,5
Добывающая промышленность	1,6	1,6
Обрабатывающая промышленность	17,3	13,4
Жилищно-коммунальное и непроизводственные виды бытового обслуживания населения	6,5	8,5
Строительство	7,3	7,7
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	16,7	16,3
Транспорт и связь	8,0	9,3
Финансовая деятельность	1,3	2,7
Армия (кадровые военнослужащие), государственные органы охраны порядка и безопасности	5,3	3,2
Органы государственного управления, общественные организации		2,0
Образование, наука, культура, информационная деятельность, здравоохранение	16,0	18,9
Всего	100	100

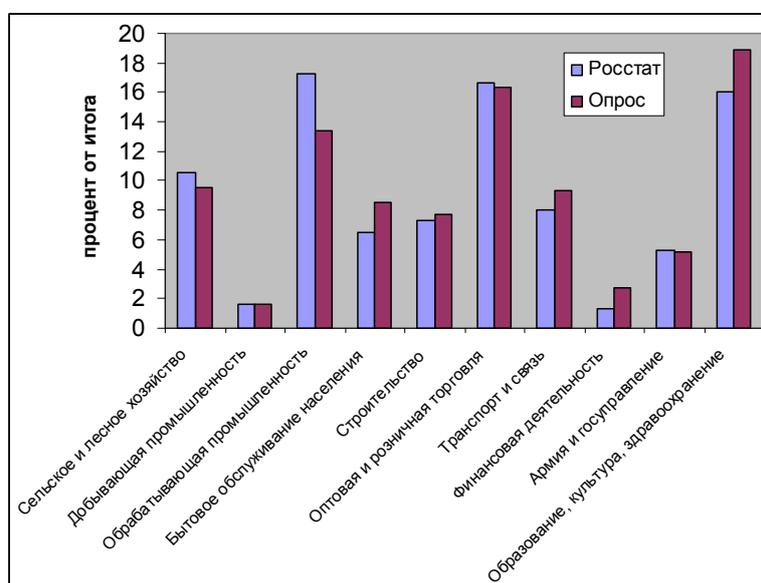

Диаграмма 4. Распределение по отраслям экономики

В случае сравнения распределения генеральной совокупности по доходным группам с аналогичным распределением, представленным материалом представительного опроса 2006 г., ситуация обстоит гораздо проблематичнее. Мы не

⁸ [Россия в цифрах 2006].

сеем полагаться на данные официальной статистики в той части, которая демонстрирует динамику уровня жизни населения, тем более что эта часть статистических сводок Росстата серьезно критикуется многими исследователями. Более 50% выборки нашего опроса относится к группе с доходами до 4500 руб., тогда как в данных Росстата этот показатель составляет менее 35%. Оптимизму официальных данных также не соответствуют ни данные Фонда «Общественное мнение», ни данные Левада-центра. Тем не менее с учетом того обстоятельства, что все массовые выборочные опросы не включают представителей высших слоев общества, а также социальных аутсайдеров, нет оснований утверждать, какие из сопоставленных нами распределений населения по доходным группам ближе к реальности.

Таблица 8. Распределение по уровню доходов⁹ (в % к итогу)

Уровень доходов	Росстат (конец 2005 г.) ¹⁰	Опрос (декабрь 2006 г.) ¹¹
-1500	3,2	5,3
1500–2500	8,9	21,9
2500–3500	11,5	14,7
3500–4500	11,5	15,3
4500–6000	15	14,6
6000–8000	14,9	14,0
8000–12000	17,3	9,3
12000+	17,7	4,9
Всего	100	100

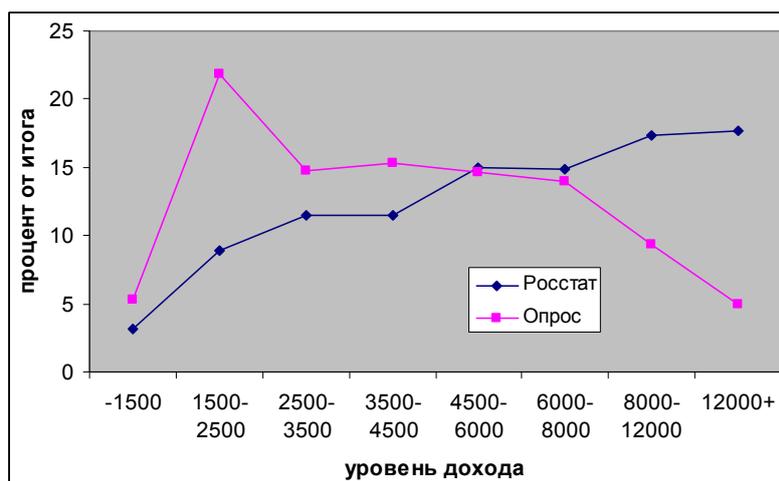

Диаграмма 5. Распределение по уровню доходов в сверке с государственной статистикой

⁹ Здесь и далее сравниваются доходы домохозяйств в расчете на одного члена семьи.

¹⁰ [Россия в цифрах 2006. Раздел 7.11].

¹¹ Доход в расчете на одного члена семьи. Приведен к данным Росстата на конец 2005 г.

Таблица 9. Распределение по уровню доходов в сверке с выборкой Фонда «Общественное мнение» (в % к итогу)

Уровень доходов	ФОМ (ноябрь 2006 г.)	Опрос (декабрь 2006 г.)
-500	4,0	0,3
500–1000	4,0	1,8
1000–1500	5,0	2,2
1500–2000	11,0	7,0
2000–3000	24,0	15,6
3000–5000	25,0	28,7
5000+	18,0	44,4
Всего	100	100

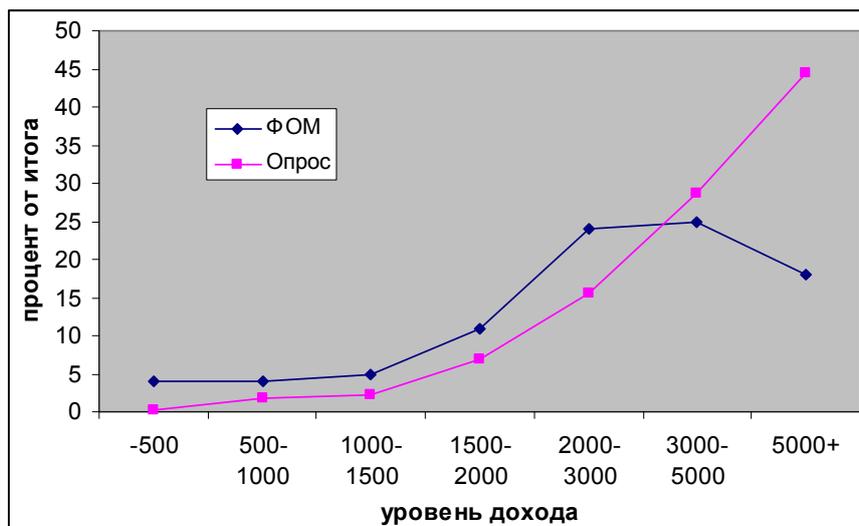

Диаграмма 6. Распределение по уровню доходов в сверке с выборкой Фонда «Общественное мнение»

Таблица 10. Распределение по уровню доходов в сверке с выборкой Левада-центра (в % к итогу)

Уровень доходов	Левада-центр (сентябрь 2006 г.)	Опрос (декабрь 2006 г.)
-790	18,8	0,5
790–2000	60,7	10,7
2000+	20,5	88,8
Всего	100	100

Таким образом, приведенные выше материалы показывают, что полученная нами выборочная совокупность респондентов адекватно представляет генеральную совокупность – экономически активное население России. Корректность собранных нами данных следует и из сравнения с выборками известных центров изучения общественного мнения – Фонда «Общественное мнение» и Левада-центра.

Из-за небольшого объема выборочной совокупности (2500 человек) она репрезентативна только для России в целом и не является достаточно представительной для территориально-экономических районов. По опыту электоральных исследований Центра социального прогнозирования, осуществившего опрос, если погрешность выборки в масштабах России не превышает 4–5%, то в масштабах экономических районов (или федеральных округов) она достигает 7–8%.

Логика опросного листа для формализованного интервью

Опрос проводился на основе развернутого формализованного интервью, бланк которого был разработан с учетом опыта обследований 1994 и 2002 гг. и рассчитан на применение в любой культурной среде. В интервью вошли 100 вопросов по различным характеристикам и качествам работника. В смысловом плане опросный лист состоял из блоков вопросов, раскрывающих динамику межпоколенной и карьерной мобильности респондента, динамики его образовательного и квалификационного уровня (по совокупности параметров), уровня, качества и образа жизни. Совокупность этих вопросов была сконструирована для формирования признакового пространства, дающего возможность выделить объективно существующие реальные социальные группы на основе промежуточных индексов власти, обладания собственностью и размеров культурного капитала.

В частности, особенного внимания заслуживает разработанная нами система вопросов, позволяющая фиксировать ряд статусных характеристик, таких как род занятий, уровень образования, место проживания (по типу поселения), самооценка уровня материальной обеспеченности, на разных этапах социальной биографии респондента – начало трудовой деятельности, в 30 лет, в канун реформ 1988–1990 гг., на момент опроса. Кроме того, была предусмотрена возможность замера аналогичных признаков у жены/мужа респондента, его родителей, старшего взрослого ребенка и ближайшего друга, т. е. близкого социального окружения респондента, в пределах которого вероятнее всего будут формироваться идентичные или, по крайней мере, схожие социальные статусы. Таким образом, совокупность соответствующих признаков представляет собой систему динамических переменных, являющихся исходной информацией для изучения воспроизводства социального статуса и роли социальных сетей в его образовании, а также воспроизводства самих реальных групп.

Кодировка вопросов и классификация профессий

Подготовка собранных интервью к обработке состояла в проверке надежности заполнения бланков опроса группой аспирантов и студентов магистратуры, участвующих в работе над проектом. По заранее подготовленным инструктивным материалам шло заполнение вручную открытых вопросов, связанных с профессиональным статусом респондентов (других открытых вопросов в опросе предусмотрено не было).

Алгоритмы кодирования открытых вопросов составлялись следующим образом. Для открытого вопроса конструировалась шкала и задавались правила, согласно которым по ответам респондента, зафиксированным в бланке интервью, определялась его позиция на сконструированной шкале. Шкала открытых вопросов конструировались на основе анализа данных выборки из полного массива. К конструируемым шкалам предъявлялись следующие требования: логическая обоснованность – соответствие теоретическим представлениям об измеряемом признаке; статистическая обоснованность – соответствие данным выборки; сопоставимость со шкалами, принятыми в госстатистике (или, по крайней мере, возможность конструирования сопоставимых интервалов).

Практически работать с тысячами видов занятий (occupations), встречающихся на рынке труда, невозможно, да и необходимости в том нет. Целесообразно выявить критерии, по которым можно было бы объединить эти занятия в блоки, однородные по своим позициям в сфере занятости, или, в другой терминологии, – образующие естественные сегменты на рынке труда. Это, как очевидно, – ключевой момент в построении методики, предопределяющий корректность результатов исследования, поэтому ему ниже уделено особое внимание. Это тем более оправдано, что данная методика не заимствована у других авторов, а является результатом, полученным при разработке данной темы.

В каждой анкете было заполнено 9 вопросов – относительно занятий респондента на разных этапах его жизни и о занятиях жены (мужа), родителей, взрослых детей и друзей. Таким образом, для составления классификации было проанализировано около 7 тыс. позиций, реально внесенных в опросные листы, поскольку по демографическим особенностям часть позиций в анкетах не была заполнена [занятия взрослых детей, жены (мужа) и т. д.].

Для кодирования видов занятий была применена обновленная шкала РГ–100, объединяющая все встреченные занятия примерно в 100 категорий, условно названные «рабочие группы». Критериями объединения видов занятий в соответствующие группы является близость по содержанию и условиям труда. По существу, использованный нами в 2006 г. классификатор не отличается от шкалы применявшейся ранее для кодировки аналогичных вопросов о занятиях респондентов в опросах 1994 и 2002 гг. Тем не менее в качестве отдельных категорий отныне были выделены группы государственных чиновников, ранжируемые по уровню занимаемой ими в государственных органах должности. В целях сопоставимости результатов всех опросов в кодировочный бланк опроса 2006 г. помимо обновленной шкалы РГ–100 была внесена шкала, применявшаяся в предыдущих опросах.

Шкала РГ–100 являлась исходной для последующих агрегаций с учетом других переменных, служащих компонентами интегральной шкалы сегментированного рынка труда: были сконструированы укрупненные группировки занятий, условно названные по числу позиций ПСГ–15 и ВСГ–21. ПСГ расшифровывается как постоянные социальные группы. Под ними подразумеваются крупные социально-профессиональные группы (например, работники квалифицированного физического труда, предприниматели и т. д.). В шкалу ВСГ–21, что расшифровывается как временные социальные группы, включены наряду с вошедшими в группы по шкале ПСГ–15 и те, кто на момент опроса не являлся экономически активным занятым (например, неработающие пенсионеры, школьники, безработные и т. д.).

Наша классификация респондентов по социальным позициям, с одной стороны, является прямым продолжением и развитием собственного подхода, отраженного еще в публикациях 1970-х годов [*Шкаратан* 1970, с. 377–392; *Шкаратан, Рукавишников* 1977; *Shkaratan* 1973, р. 81; *Shkaratan, Rukavishnikov* 1986, р. 97–100]. А с другой – находится в русле доминирующей европейской научной традиции последних двух десятилетий. Работа по классификации занятий проходила с учетом международного и отечественного опыта. В частности, были использованы: International Standard Classification of Occupations. 1988. ISCO 88; M. H.D van Leeuwen, Ineke Maas, Andrew Miles. Historical International Classification of Occupations. Leuven University Press, 2002; Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов. ОК 016-94/Минтруд России, Госстандарт России. М., 1995; Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих (утвержден постановлением Минтруда РФ от 21 августа 1998 г. № 37) (с изменениями от 21 января, 4 августа 2000 г., 20 апреля 2001 г.).

Анализ динамики социально-профессиональной структуры экономически активного населения России (1994 – 2006 гг.)

Сравнительный анализ социально-профессиональной структуры занятых в России и странах ЕС

На данном этапе исследования мы рассматриваем как единственно возможные для содержательного анализа социально-профессиональные группы (слои), сформированные, как это показано выше, путем блокирования родственных по позициям на рынке труда, сходным по характеру экономической деятельности родов занятости (РГ–100). В оправданности такого подхода нас убеждает устойчивое доминирование такой же позиции в европейской социологической и экономической мысли. После известной классификации ISCO88 (International Standard Classification of Occupations 1988) все последующие дискуссии шли в направлении ее уточнения [*Societes Contemporaines* 2002]. Теоретическим же основанием явились работы известного британского социолога неовеберианского направления Д. Голдторпа, на чьи работы мы уже ссылались в обосновании своей теоретической позиции.

В доказательство принятия такого метода выделения социальных классов как общеевропейского приведем ставший достоянием специалистов проект ESeC (European Standard Classification of Occupations), стартовавший в октябре 2004 г. и завершившийся в сентябре 2006 г. (см. табл. 11, пер. с англ. Интернет-ресурс: <http://www.iser.essex.ac.uk/esecc/>).

Таблица 11. Европейская социоэкономическая классификация (ESeC), 9 классов

1	Крупные предприниматели, руководители высшего звена и высококвалифицированные профессионалы
2	Руководители среднего звена, квалифицированные технические специалисты и профессионалы
3	Посреднические профессии
4	Малые предприниматели и самозанятые (не в сельском хозяйстве)
5	Руководители низшего звена
6	Технические работники в сфере обслуживания и торговли
7	Квалифицированные рабочие
8	Не- и полуквалифицированные рабочие

Для сопоставления социальной структуры современного российского общества с социальной структурой восточноевропейских стран и некоторых стран Западной Европы мы использовали материалы Европейского социологического обследования (Интернет-ресурс: <http://www.europeansocialsurvey.com/>, <http://ess.nsd.uib.no>). В частности, для сравнения была взята классификационная схема Голдторпа–Эриксона–Портокареро (см. табл. 12, пер. с англ. из [Håkon, Ivano, Heidi 2002–2003]) как наиболее близкая нашей по критериям выделения социальных групп из ныне применяемых для анализа социальной структуры европейских обществ.

Таблица 12. Классы в схеме Голдторпа–Эриксона–Портокареро

I	<i>1-й класс служащих</i> (профессионалы, руководители и чиновники высокого уровня; менеджеры крупных промышленных предприятий; крупные бизнесмены). Высший класс.
II	<i>2-й класс служащих</i> (профессионалы, руководители и чиновники среднего уровня; высококвалифицированный технический персонал; менеджеры небольших промышленных предприятий; супервайзеры работников нефизического труда). Высший класс.
IIIa	<i>Работники нефизического труда</i> (в торговле и сфере обслуживания). Промежуточный класс.
IIIб	<i>Работники нефизического труда низкой категории</i> (в торговле и сфере обслуживания). Промежуточный класс. Относится к рабочему классу в теоретической модели Голдторпа.
IVa	<i>Самозанятые с наймом</i> (мелкие предприниматели, ремесленники и так далее, использующие наемный труд).
IVб	<i>Занятые индивидуальной трудовой деятельностью</i> (мелкие предприниматели, ремесленники и так далее, не использующие наемный труд). Промежуточный класс.
IVв	<i>Самозанятые сельскохозяйственные работники</i> (фермеры, крестьяне и т. д.). Промежуточный класс. В некоторых схемах относится к обособленной страте сельскохозяйственных работников (вместе с VIIб).
V	<i>Супервайзеры работников физического труда, малоквалифицированный технически персонал</i> . Дно промежуточного класса.
VI	<i>Квалифицированные рабочие</i> . Рабочий класс.
VIIa	<i>Неквалифицированные рабочие</i> . Рабочий класс.
VIIб	<i>Рабочие в сельском хозяйстве</i> . Рабочий класс (вместе IVв).

Мы напомним, что данная схема в качестве ключевого критерия группировки использует профессиональную принадлежность индивидов, их схожесть по роду занятий (occupations), как основание для построения социальной группы, класса. При этом выделяются три основные классовые позиции: работников, нанимателей и самозанятых. Затем проводится разделение работников по характеру занятости, по типу заключенных ими контрактов. Выделенные таким образом классы различаются по специфическим для каждого из них ограничениям и возможностям, в число которых входят те, которые оказывают влияние на индивидуальную экономическую безопасность, стабильность и перспективы.

В свою очередь, мы соответствующим образом сконструировали классы ГЭП-схемы на основе классификатора РГ-100 в целях сопоставимости. Таблица перевода группировки РГ-100 в ГЭП приводится в Приложении 3, табл. 1. Таблицы с данными актуальными на 2002–2003 гг. были взяты из [Håkon, Ivano, Heidi 2002–2003].

Таблица 13. Социальная структура России в сравнении с другими странами (по версии ГЭП, в % по строке)

	I	II	IIIa	IIIб	IVa	IVб	IVв	V	VI	VIIa	VIIб
Россия	6,3	21,2	7,3	13,6	0,4	0,9	0,7	5,0	29,5	12,2	2,7
Чехия	7,9	19,6	13,8	7,4	3,2	6,0	0,9	4,7	17,4	16,2	3,0
Венгрия	11,9	16,8	8,0	8,8	6,0	6,0	2,0	3,1	15,6	18,8	3,1
Польша	10,6	17,6	9,1	5,8	3,9	5,0	13,1	3,5	14,3	16,1	1,1
Словения	15,6	19,5	14,3	7,8	5,2	1,3	1,3	6,5	15,6	11,7	1,3
Германия	10,8	22,1	19,4	10,2	3,3	3,1	1,0	4,3	13,3	11,8	0,6
Испания	8,2	19,4	4,3	12,4	4,7	5,8	2,9	2,7	13,6	21,3	4,9

Первое, что бросается в глаза при анализе рассматриваемых нами стран, – это крайне малая доля самозанятых в России (в сумме 2%) на фоне более высокой доли самостоятельных работников в европейских странах. Так, в следующей по данному показателю стране за Россией, Германии, их доля составляет 7,4%. Мы считаем, что это наглядное свидетельство того, что за 15 лет после перехода страны к рыночной экономике, в России так и не сложился класс мелких предпринимателей и работников, занятых индивидуальной трудовой деятельностью, тогда как в ряде восточно-европейских государств (8%–22%) данная группа занятых является достаточно многочисленной.

Характерно, что выдающуюся часть занятых в нашей стране продолжают составлять квалифицированные рабочие, причем данная группа сильно преобладает над группой неквалифицированных рабочих, тогда как в европейских странах их соотношение внутри рабочего класса является более или менее выровненным. В целом преобладание представителей рабочего класса в России (41,7%) объясняется наследием крупного промышленного комплекса, доставшегося от советской экономики и потребляющего значительную часть квалифицированной рабочей силы. Наряду с этим довольно низкой остается доля тех, кого условно ГЭП относит к 1-й высшей группе – верхнему классу, состоящему из высококвалифицированных профессионалов, руководителей высшего звена и крупных предпринимателей (6,3%).

Таким образом, в отличие от стран, демонстрирующих начатки информационной экономики (стремление к преобладанию высококвалифицированных профессиональных групп в структуре общества, замещению физического труда преимущественно интеллектуальным), социальная структура, сложившаяся в России, свидетельствует о том, что страна пребывает в стадии позднего индустриализма с характерным преобладанием рабочих и низкими показателями доли профессионалов и квалифицированных управляющих.

Динамика социально-профессиональной структуры занятых в России (1994–2006 гг.)

Несмотря на упомянутую концептуальную схожесть нашей классификации с европейской, ни одна из них не является полностью универсальной в применении для качественного межстранового сравнительного анализа. В наших условиях степень адекватности выделенных подобным образом групп в российском обществе значительно меньше, чем в западном.

В чем причина этого явления? В мировой практике эмпирических социологических исследований используется весьма ограниченный набор индикаторов социального положения людей, их принадлежности к определенной социальной группе (классу, слою и т. д.). И среди этих социальных индикаторов особое место занимает род занятий. Последний выступает как синдром свойств, характеристик социальных субъектов. В названиях занятий «зашифровано» множество характеристик конкретных видов экономической активности, заключена совокупность качеств, навыков и умений, знаний, которыми должен обладать индивид как актер данного вида деятельности. Это высокоинформативный показатель. Объединение определенных «профессий» в социальные классы в европейском подходе основано на том, что последние сложились в соответствующих странах как институт и воспринимаются как реальные социальные группы [Кивинен 1994].

В то же время есть, по крайней мере, два существенных системных ограничения. Первое связано с тем, что зачастую конкретные виды экономической активности обладают меньшей исторической стабильностью, чем социальные классы, слои, к которым они принадлежат. Социальные классы в своем воспроизводстве меняют круг «присваиваемых» ими видов занятий, сохраняя характер родов занятий.

Второе ограничение связано именно с Россией, ее специфической историей. Речь идет о связи видов и родов занятий с институциональной системой общества и социальной закреплённостью общности ценностей и норм, передающихся от поколения к поколению. В России же мы имеем дело именно с занятиями, различающимися характером (т. е. содержанием и условиями) труда, а не качественными статусными характеристиками, выработанными корпоративностью общей принадлежности к одной профессии. Отсюда вытекает «рыхлость» ее структуры с неустойчивыми занятиями и престижностями.

При только что высказанных оговорках мы ниже попытаемся, опираясь на данные о социально-профессиональной дифференциации нашего современного

общества (предположив псевдореальность выделенных нами групп), осмыслить динамику стратификационной иерархии в постсоветской России.

В табл. 14, 15 приводятся данные о внутренней динамике социальной стратификации российского общества. При общей стабильности можно обратить внимание на некоторые подвижки в рассматриваемой социально-профессиональной структуре. Во-первых, в период с 1994 по 2002 г. наблюдалось некоторое увеличение доли предпринимателей, после чего к 2006 г. она стабилизировалась и вышла на крайне низкий уровень – 4%. Заметим, что в любой серьезной отечественной публикации по малому бизнесу отмечается сложное положение этой традиционной части среднего класса в нашей стране. Полученные нами данные об удельном весе данной группы населения подтверждают этот вывод.

Также бросается в глаза резкое снижение доли высококвалифицированных профессионалов после 1994 г. (практически в два раза), связанное с масштабной иммиграцией работников интеллектуального труда в развитые страны в период нестабильной экономической ситуации в стране (масштабы, характер и причины этой миграции профессионалов подробно рассмотрены в превосходной монографии профессора Anne de Tinguy «La grande migration. La Russie et les Russes depuis l'ouverture du rideau de fer» [*De Tinguy 2007*], частично переведенной в [*Де Танги 2007*]).

Заслуживают обсуждения и данные о динамике и доле в составе работающего населения основной массы профессионалов (учителей, врачей, инженеров), относящихся по большей части к так называемым бюджетникам. Доля этой социально-профессиональной группы уменьшалась на протяжении всего постсоветского периода. На фоне падающей престижности ряда ассоциируемых с данной группой профессий эта тенденция может быть продолжена и в дальнейшем, что, в частности, было нами отражено в [*Шкаратан, Инясевский 2006*].

Таблица 14. Динамика социальной стратификации в России по результатам представительных опросов 1994, 2002, 2006 гг. (по столбцу валидный % по социальным слоям)

Социальные слои		1994	2002	2006
1.	Предприниматели	2,6	4,4	4,0
2.	Управляющие и чиновники высшего звена	1,3	0,7	0,9
3.	Управляющие и чиновники среднего звена	1,3	1,6	1,6
4.	Управляющие и чиновники низшего уровня	7,5	7,2	7,6
5.	Высококвалифицированные профессионалы	8,2	3,5	4,2
6.	Профессионалы с высшим образованием	18,6	14,3	12,5
7.	Работники со средним специальным образованием	19,1	14,1	11,7
8.	Технические работники (в сферах бытовых услуг и организации управления)	3,5	10,9	9,8
9.	Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	25,2	26,8	32,4
10.	Не- и полуквалифицированные рабочие	12,7	16,7	14,1
11.	Самозанятые	–	–	1,2
	Итого	100	100	100

В связи с некоторым оздоровлением промышленности в стране после значительного спада в начале 1990-х годов наблюдается довольно стабильный рост доли квалифицированных рабочих. В целом же можно сказать, что, несмотря на некоторые (некардинальные) изменения, которые социально-профессиональная структура общества претерпела преимущественно в период с 1994 по 2002 г., в ее развитии по-прежнему не ощущается структурных сдвигов в направлении к информационной экономике, экономике знаний. Кроме того, судя по тому, что после 2002 г. смещения были минимальны (колебания могут быть вызваны присутствием статистической ошибки), можно предположить, что структура практически устоялась.

Таблица 15. Динамика социальной стратификации в России по результатам представительных опросов 2002, 2006 гг. (включая сельских работников, по столбцу валдный % по социальным слоям)

Социальные слои		2002	2006
1.	Предприниматели, коммерсанты	4,4	4,0
2.	Управляющие высшего звена и чиновники	0,7	0,9
3.	Управляющие среднего звена	1,6	1,6
4.	Руководители низового звена	7,2	7,6
5.	Высококвалифицированные профессионалы	3,4	4,2
6.	Профессионалы с высшим образованием	14,2	12,5
7.	Работники со средним специальным образованием	14	11,7
8.	Работники нефизического труда (в торговле, обслуживании)	10,8	9,8
9.	Высококвалифицированные рабочие	0,9	1,2
10.	Квалифицированные рабочие	24,5	29,7
11.	Не- и полуквалифицированные рабочие	15,4	12,6
12.	Работники квалифицированного труда в сельском хозяйстве	0,9	1,4
13.	Работники малоквалифицированного труда в сельском хозяйстве	1,4	1,6
14.	Самозанятые (прочие для 2002 г.)	0,6	1,2

Собственнический и деятельностный потенциалы социально-профессиональных слоев

Если динамика социально-профессиональная структура российского общества будучи производной от процессов экономико-технологической модернизации демонстрирует стабильность и консервативность, то совсем иначе выглядит структура населения в контексте развития института частной собственности.

Рассмотрим владение различными типами собственности (табл. 16). Так, в целом довольно схожее распределение доли владеющих предприятиями наблюдается по всем опросам. В существенном отрыве от основной части населения по данному показателю закономерно пребывают «верхние слои», включающие в себя предпринимателей и руководителей высокого уровня. По мере перехода от вершины взятой нами социальной иерархии к более низким группам эта доля существенно снижается. Также заметным является усиление дифференциации в 2006 г. по сравнению с предыдущими годами.

Примерно аналогичную картину можно наблюдать и при рассмотрении доли владеющих ценными бумагами. В глаза бросается «проседание» данного показателя, произошедшее в период с 1994 по 2002 г., что объяснимо в связи с подорванным доверием населения к российским банкам и государству после дефолта 1998 г. При этом характерно, что «восстановить» утраченное доверие удалось лишь представителям «верхних слоев», вновь заметно усилив разрыв с остальными социальными группами.

Таблица 16. Владение собственностью в разрезе нескольких социально-профессиональных групп (в %)

	Доля владеющих фирмой/предприятием			Доля имеющих ценные бумаги (кроме ваучеров)			Доля владеющих недвижимостью*		
	1994	2002	2006	1994	2002	2006	1994	2002	2006
Предприниматели, коммерсанты	42,6	57,0	82,6	20,5	4,7	21,8	29,2	76,7	87,5
Управляющие высшего звена и чиновники	12,0	28,6	38,1	31,4	14,3	45,0	20,0	64,3	71,4
Управляющие среднего звена	9,0	12,5	8,3	41,5	12,5	11,1	30,8	62,5	82,9
Высококвалифицированные профессионалы	5,6	3,0	6,2	27,8	9,0	11,3	10,5	56,7	70,7
Профессионалы с высшим образованием	6,9	3,3	2,1	18,9	8,7	8,5	30,5	60,5	83,0
Технические работники (в сферах бытовых услуг и организации управления)	3,6	2,9	1,8	23,2	3,3	3,2	19,6	48,1	75,9
Квалифицированные рабочие	3,9	0,6	1,6	20,0	8,0	5,0	29,2	51,2	77,0
Полуквалифицированные рабочие	10,1	0,7	1,4	27,2	4,7	2,8	30,1	50,2	72,3
Работники квалифицированного и малоквалифицированного труда в сельском хозяйстве	3,4	2,3	5,8	16,6	13,6	4,3	55,8	52,3	83,1

Примечание. В данную таблицу не включены следующие социально-профессиональные группы: руководители низового звена, работники со средним специальным образованием, высококвалифицированные рабочие и самозанятые.

* 1994 г. – доля респондентов, указавших, что они являются владельцами недвижимости.

2002 г., 2006 г. – доля положительно ответивших на вопрос о том, что их дом/квартира находятся в собственности одного или нескольких членов семьи.

Значимых различий в доле владеющих недвижимостью между социально-профессиональными слоями нам в ходе опросов обнаружить не удалось. Как следует из таблицы, к 2006 г. подавляющая часть населения в той или иной степени превратилась в собственников недвижимого имущества (по крайней мере, собственного дома или квартиры), поэтому продолжить анализ неравенства по данному показателю необходимо с помощью исследования состава и качества недвижимости, которую респонденты декларируют как собственную. Структура нашего опроса предусматривает достаточно широкие возможности для про-

ведения подобного анализа, что обязательно войдет в намеченный нами исследовательский блок, посвященный выделению реальных социальных групп. Опыт подобного анализа уже накоплен по материалам опросов 1994, 2002 гг. (см. [Шкаратан, Иванов, Инясевский 2005]).

В целом данные о владении/совладении фирмой или предприятием, так же как и о наличии в собственности ценных бумаг, демонстрируют активный процесс концентрации собственности в руках высших и высших средних групп. Напоминаем, что в нашем опросе не представлены элитные группы.

Интересными дополнительными индикаторами в анализе характера развития социально-профессиональной структуры являются показатели деятельностного потенциала, к которому мы отнесли субъективные оценки соответствия квалификации и подготовленности занимаемой статусной позиции, а также готовность перейти на более сложную и ответственную работу. Эти два показателя, на наш взгляд могут служить свидетельством характера консервативности или мобильности экономически активных групп населения в среднесрочном плане. В целом, доля респондентов, считающих, что выполняемая ими работа соответствует их знаниям и квалификациям, по всем рассмотренным нами группам оказалась избыточно высокой, причем с переходом от 1994 г. к 2006 г. это распределение не претерпело значительных изменений. Заметно удовлетворенность собственной деятельностью выросла в среде наиболее успешных представителей общества – предпринимателей, управляющих высшего звена и чиновников. Наиболее ущемленными в этом плане является группа малоквалифицированных рабочих, среди которых к 2006 г. довольно значительное число респондентов (45,1%) высказало мнение, что выполняемая ими работа ниже их потенциала.

Заключительные замечания

В данной работе мы ограничиваемся обсуждением некоторых результатов, полученных нами относительно состояния и динамики социальной стратификации населения России в разрезе социально-профессиональных слоев. При рассмотрении иерархии социально-профессиональных слоев мы принимали во внимание различия в их ресурсах и потенциалах. Понятие «ресурсы» применительно к исследованию стратификации означает те блага и ценности, которыми располагает общество, наделяя ими в неравной степени социальные группы. Наибольшее значение в социальной дифференциации имеют такие ресурсы, как собственнический, властный и предпринимательский. В статье мы ограничились рассмотрением собственнического ресурса, т. е. масштабами и характером находящихся в распоряжении представителей социальных слоев производственной собственности и недвижимости.

Что касается потенциала социально-профессиональных слоев, то он оценивается нами по объективной возможности использовать их, наращивать и т. д. Сам материал дает некоторые возможности оценить потенциал групп, опираясь, в частности, на их самооценки, что нашло отражение в анализе составленной нами табл. 17.

Таблица 17. Показатели деятельностного потенциала социально-профессиональных групп (в %)

	Насколько выполняемая Вами работа соответствует Вашим знаниям, действительной квалификации?						Согласились бы Вы в ближайшие один-два года взяться за более сложную и ответственную работу, чем Ваша нынешняя?			
	иногда не хватает		вполне соответствует		не соответствует		безусловно согласился(лась)		нет, ни в коем случае	
	1994	2006	1994	2006	1994	2006	1994	2006	1994	2006
Предприниматели, коммерсанты	31,0	14,1	50,0	78,3	19,0	7,6	42,9	23,9	7,1	7,6
Управляющие высшего звена и чиновники	10,0	20,0	70,0	80,0	20,0	-	30,0	23,8	20,0	-
Управляющие среднего звена	11,5	8,6	81,6	85,7	6,9	5,7	32,2	20,0	9,2	-
Высококвалифицированные профессионалы	16,6	7,2	72,4	74,2	11,0	18,6	24,6	30,9	11,8	4,1
Профессионалы с высшим образованием	5,3	10,2	73,7	81,6	21,1	8,1	36,8	25,2	5,3	8,7
Технические работники (в сферах бытовых услуг и организации управления)	13,0	7,7	72,2	63,5	11,0	28,8	37,0	37,4	1,9	5,0
Квалифицированные рабочие	9,1	5,2	76,9	78,1	13,9	16,8	23,7	25,5	13,9	12,8
Полуквалифицированные рабочие	7,4	1,7	59,5	53,1	33,1	45,1	31,5	32,1	12,1	15,0
Работники квалифицированного и малоквалифицированного труда в сельском хозяйстве	4,6	-	86,8	84,1	7,5	15,9	16,4	14,5	18,7	8,7

Примечание. В данную таблицу не включены следующие социально-профессиональные группы: руководители низового звена, работники со средним специальным образованием, высококвалифицированные рабочие и самозанятые.

Для ознакомления читателя с другими интересными данными относительно трансформационных процессов в стране за 1994–2006 гг. мы представили в Приложении 2 основные социально-демографические и социально-экономические характеристики россиян, сводная информация о которых была собрана нами в ходе трех упоминавшихся представительных опросов.

Литература

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Бек У. Индивидуализация социального неравенства. К вопросу о детрадиционализации индустриально-общественных форм жизни // Бек У. Общество риска. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Богданова Л.П. Социальное воспроизводство региональной общности: содержание, процессы, механизмы. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2006.
- Бондаренко В.А. Эмпирическая модель воспроизводства социального статуса // Мир России. 2002. № 4.
- Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1993.
- Васильева Э.К. Социально-экономическая структура СССР. М.: Статистика, 1978.
- Гориков М.К., Тихонова Н.Е. (ред.) Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний. М.: Наука, 2004.
- Де Танги А. Миграции российских квалифицированных специалистов: причины, проблемы перспективы // Мир России. 2007. № 1.
- Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М.: Фонд «Общественное мнение», 2002.
- Кивинен М. Перспективы развития среднего класса в России // Социологический журнал. 1994. № 2.
- Кивинен М. Средний класс в современной России // Мир России. 2004. № 4.
- Лейн Д. Подъем и упадок государственного социализма. Индустриальное общество и социалистическое государство / Пер. с англ. Киев: Институт социологии НАНУ, 2006.
- Лукина В.И., Нехорошков С.Б. Динамика социальной структуры населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1982.
- Косова Л.Б. Вертикальная мобильность неравенство возможностей // Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / Под ред. Р.В. Рывкиной. М.: Издательство «Рефердум», 2003.
- Малева Т. (ред.) Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии. М.: Гендальф, 2003.
- Россия в цифрах. 2006: краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2006.
- Рукавишников В.О. Применение статистических структурных моделей, допускающих причинную интерпретацию к исследованию межпоколенных социальных перемещений в советском обществе // Проблемы исторической демографии СССР / Под ред. Р.Н. Пуллата. Сб. ст. Таллин, 1977.
- Сергеев Н.В. Ранжирование критериев стратификации методом энтропийного анализа // Мир России. 2002. № 3.
- Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999.
- Черноволенко В.Ф., Паниотто В.И. Семья и воспроизводство структуры трудовой занятости (опыт социологического исследования). Киев: Наукова Думка, 1984.
- Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность. М.: Гардарики, 2005.
- Шкаратан О.И. Государственная социальная политика и стратегии поведения средних слоев. Препринт WP7/2005/01. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
- Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М.: Мысль, 1970.
- Шкаратан О.И. Социальные реалии начала 2000-х гг. Предварительные итоги представительного опроса россиян // Мир России. 2003. № 2.
- Шкаратан О.И., Бондаренко В.А., Крельберг Ю.М., Сергеев Н.В. Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России. Препринт WP7/2003/06. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

- Шкаратан О.И., Иванов И.М., Иняевский С.А.* Анализ социально-экономического неравенства россиян // *Общественные науки и современность*. 2005. № 5.
- Шкаратан О.И., Ильин В.И.* Социальная стратификация России и Восточной Европы. Сравнительный анализ. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2006.
- Шкаратан О.И., Иняевский С.А.* Профессионалы и менеджеры в сфере занятости – положение и реальное поведение // *Социологические исследования*. 2006. № 12.
- Шкаратан О.И., Рукавишников В.О.* Социальные в классовой структуре социалистического общества // *Социологические исследования*. 1977. № 2.
- Шкаратан О.И., Рукавишников В.О.* Социальная структура населения советского города и тенденции ее развития // *Социологические исследования*. 1974. № 2.
- Шкаратан О.И., Сергеев Н.В.* Реальные группы: концептуализация и эмпирический расчет // *Общественные науки и современность*. 2000. № 2.
- Шкаратан О.И., Тихонова Н.Е.* Занятость в России: социальное расслоение на рынке труда // *Мир России*. 1996. № 1.
- Экономическая активность населения России 2006: Стат. сб. М.: Росстат, 2006. Разделы 1.5.–1.6.
- Adamski W., Machonin P., Zapf W.* (eds.) *Structural Change and Modernization in Post-Socialist Societies*. Hamburg: Reinhold Kramer Verlag, 2002.
- Aschaffenburg K., Ineke M.* Cultural and Educational Careers: The Dynamics of Social Reproduction // *American Sociological Review*. 62 (4). 1997 (Aug.).
- Bian Y.* Chinese Social Stratification and Social Mobility // *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. 2002. Issue 1.
- Blau P.* Parameters of Social Structure // *American Sociological Review*. V. 39. 1974. № 5.
- Bourdieu P., Passeron J.C.* *Reproduction in Education, Society and Culture*. L., 1977.
- De Tinguy A.* *La grande migration. La Russie et les Russes depuis l'ouverture du rideau de fer*. Paris: Plon, 2004.
- DiPrete T.A.* Life Course Risks, Mobility Regimes and Mobility Consequences: A Comparison of Sweden, Germany, and the United States // *American Journal of Sociology*. Vol. 108. Issue 2. September 2002.
- Erikson R., Goldthorpe J.* *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*. NY: Oxford University Press, 1993.
- Gerber T.P.* Can Education Be Equalized? The Swedish Case in Comparative Perspective / Ed. by R. Erikson, J.O. Johnson. Boulder, Colo. West-view Press, 1996.
- Gerber T.P.* Structural Change and Post-Socialist Stratification: Labor Market Transitions in Contemporary Russia // *American Sociological Review*. Vol. 67. № 5. October 2002.
- Gerber T.P., Hout M.* Tightening Up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition // *American Sociological Review*. 2004. № 5.
- Goldthorpe J.* Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda // *Acta Sociologica*. 2002. № 45 (3).
- Goldthorpe J.H.* Rent, Class Conflict, and Class Structure: A Commentary on Sorensen // *The American Journal of Sociology*. May 2000. 105 (6).
- Grusky D., Weeden K.* Class Analysis and the Heavy Weight of Convention // *Acta Sociologica*. 2002. № 45 (3).
- Grusky D., Weeden K.* Decomposition Without Death: A Research Agenda for a New Class Analysis // *Acta Sociologica*. 2001. № 44 (3).
- Håkon L., Ivano B., Heidi J.* Social Class in Europe. European Social Survey 2002–2003 NTNU, Интернет-ресурсы: www.esf.org/newsrelease/21/ESSreport1.pdf
- Ishida H., W. Muller, J. M. Ridge.* Class Origin, Class Destination and Education: A Cross-National Study of Ten Industrial Nations // *American Journal of Sociology*. 1995 (Jul.). № 101(1).

- Ishida H.* Industrialization, Class Structure and Social Mobility in Postwar Japan // *British Journal of Sociology*. Vol. 52. December 2001. Issue 4.
- Kaufman V.* Rethinking Mobility: Contemporary Sociology. L.: Ashgate, 2002.
- Kivinen M.* (ed.). *The Kalamari Union: Middle Class in East and West*. Aldershot: Ashgate, 1998.
- Kohn M.L.* *Change and Stability: A Cross-national Analysis of Social Structure and Personality*. Boulder, Co.: Paradigm, 2006.
- Kohn M.L.* Doing Social Research Under Conditions of Radical Social Change: The Biography of an Ongoing Research Project // *Social Psychology Quarterly*. 1993. Vol. 56. No. 1.
- Lane D.* Revolution, Class and Globalization in the Transition from State Socialism // *European Societies*. 2005. № 7.
- Manning N.* Diversity and change in Pre-accession Central and Eastern Europe since 1989 // *Journal of European Social Policy*. 2004. Vol. 19. № 3.
- Marshall G.* *Repositioning Class. Social Inequality in Industrial Societies*. L.: SAGE Publications, 1997.
- Morgan S., Grusky D.B., Fields G.S.* (eds). *Mobility and Inequality: Frontiers of Research from Sociology and Economics*. Stanford: Stanford University Press, 2006.
- Nee V.* Social Inequalities in Reforming State Socialism: Between Redistribution and Markets in China // *American Sociological Review*. 1991 (Jun.). № 56(3).
- Nee V.* The Emergence of a Market Society: Changing Mechanisms of Stratification in China // *American Journal of Sociology*. 1996 (Jan). 101(4).
- Nettle D.* Intelligence and Class Mobility in the British Population // *British Journal of Psychology*. 2003. Vol. 94. Issue 4.
- Pakulski J., Waters M.* *The Death of Class*. L.: Sage Publications, 1995.
- Rueschemeyer D., Mahoney J.* A Neo-utilitarian Theory of Class? // *The American Journal of Sociology*. May 2000. № 105 (6).
- Scott J.* Social Class and Stratification in Late Modernity // *Acta Sociologica* (Scandinavian sociological Association) 2002. № 45 (1).
- Shkaratan O.* Social Groups in the Working Class of a Developed Socialist Society // Yanowitch M. & Fisher W.A. (eds.). *Social Stratification and Mobility in the USSR* // *International Journal of Sociology*. 1973. № 1–2. Spring – Summer.
- Shkaratan O., Rukavishnikov V.* Social Strata in the Class Structure of Socialist Society (An Attempt at Theoretical Construction and Empirical Investigation) // Yanowitch M. (ed.). *The Social Structure of the USSR. Recent Soviet Studies*. N.Y.: M.E. Sharpe, Inc., 1986.
- Sklair L.* *The Transnational Capitalist Class*. Oxford: Blackwell, 2001.
- Societes Contemporaines «Enjeux et Usages des Categories Socio-professionnelles en Europe». 2002. № 45–46.
- Solga H.* Longitudinal Surveys and the Study of the Occupational Mobility: Panel and Retrospective Design in Comparison // *Quality & Quantity*. Vol. 35. August 2001. Issue 3.
- Sorensen A.B.* Toward a Sounder Basis for Class Analysis // *The American Journal of Sociology*. May 2000. № 105 (6).
- Vallet L.* Change in Intergenerational Class Mobility in France from the 1970s to the 1990s and its explanations: An Analysis Following the CASMIN Approach // Breen R. (ed.) *Social Mobility in Europe*. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2004.
- Vermeulen H., Perlmann J.* (eds). *Immigrants, Schooling and Social Mobility: Does Culture Make a Difference?* L.: Palgrave; NY.: St Martin's Press, 2000.
- Walder A.G.* Career Mobility and the Communist Political Order // *American Sociological Review*. 1995 (Jan.). № 60 (3).

- Warren J.R., Hauser M.R.* Social Stratification across Three Generations: New Evidence from the Wisconsin Longitudinal Study // *American Sociological Review*. (Aug., 1997). Vol. 62. Issue 4.
- Wright E.* *Classes*. L.: Verso Editions, 1985.
- Wright E.* *Class Counts*. Comparative Studies in Class Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Wright E.* Class, Exploitation, and Economic Rents: Reflections on Sorensen's «Sounder Basis» // *The American Journal of Sociology*. May 2000. № 105 (6).

Приложение 1. Схема выборки.

Таблица 1. Квоты выборки по типу поселения (человек)

№№ п/п	Субъекты РФ	Всего чел.	Поселения			
			Мегаполисы, областные, краевые, республиканские центры	Районные центры	Поселки городского типа (ПГТ)	Села, деревни
1	Москва	150	150	0	0	0
2	Санкт-Петербург	80	80	0	0	0
3	Архангельская обл.	98	41	30	12	15
4	Новгородская обл.	70	26	26	6	12
5	Владимирская обл.	89	35	26	8	20
6	Калужская обл.	89	35	26	8	20
7	Рязанская обл.	88	35	25	8	20
8	Ярославская обл.	89	35	26	8	20
9	Нижегородская обл.	90	38	22	10	20
10	Кировская обл.	52	23	13	6	10
11	Воронежская обл.	80	32	22	6	20
12	Липецкая обл.	52	20	14	4	14
13	Волгоградская обл.	80	33	22	5	20
14	Саратовская обл.	100	41	28	7	24
15	Татарстан	108	46	30	7	25
16	Краснодарский край	100	35	25	5	35
17	Ставропольский край	100	35	25	5	35
18	Ростовская обл.	105	39	26	5	35
19	Свердловская обл.	148	61	44	8	35
20	Челябинская обл.	100	44	30	6	20
21	Башкортостан	100	42	30	6	22
22	Кемеровская обл.	158	63	49	11	35
23	Новосибирская обл.	100	42	31	7	20
24	Красноярский край	100	38	27	15	20
25	Иркутская обл.	52	21	14	7	10
26	Хабаровский край	122	45	29	24	24
	ИТОГО	2500	1135/45,4%	640/25,6%	194/7,8%	531/21,2%

Таблица 2. Квоты выборки по образованию (человек)

№№ п/п	Субъекты РФ	Всего чел.	По уровню образования		
			Высшее и неполное высшее	Среднее и начальное профессиональное	Полное и неполное общее среднее
1	Москва	150	52	80	18
2	Санкт-Петербург	80	24	40	16
3	Архангельская обл.	98	23	43	32
4	Новгородская обл.	70	16	31	23
5	Владимирская обл.	89	21	39	29
6	Калужская обл.	89	21	39	29
7	Рязанская обл.	88	21	39	28
8	Ярославская обл.	89	21	39	29
9	Нижегородская обл.	90	21	40	29

<i>Продолжение таблицы 2</i>					
10	Кировская обл.	52	12	23	17
11	Воронежская обл.	80	19	35	26
12	Липецкая обл.	52	12	23	17
13	Волгоградская обл.	80	19	35	26
14	Саратовская обл.	100	22	44	34
15	Татарстан	108	22	48	38
16	Краснодарский край	100	22	44	34
17	Ставропольский край	100	22	44	34
18	Ростовская обл.	105	22	46	37
19	Свердловская обл.	148	35	65	48
20	Челябинская обл.	100	24	44	32
21	Башкортостан	100	19	44	37
22	Кемеровская обл.	158	32	70	56
23	Новосибирская обл.	100	24	44	32
24	Красноярский край	100	22	44	34
25	Иркутская обл.	52	12	23	17
26	Хабаровский край	122	25	54	43
	ИТОГО	2500	585/23,4%	1120/44,8%	795/31,8%

Таблица 3. Квоты выборки по возрасту (человек)

№№ п/п	Субъекты РФ	Всего чел.	Возраст (лет)			
			18–29	30–39	40–49	50–59
1	Москва	150	31	40	49	30
2	Санкт-Петербург	80	18	22	25	15
3	Архангельская обл.	98	26	27	32	13
4	Новгородская обл.	70	18	18	23	11
5	Владимирская обл.	89	25	23	28	13
6	Калужская обл.	89	22	24	28	15
7	Рязанская обл.	88	22	24	28	14
8	Ярославская обл.	89	22	24	28	15
9	Нижегородская обл.	90	23	23	29	15
10	Кировская обл.	52	14	13	17	8
11	Воронежская обл.	80	19	22	22	17
12	Липецкая обл.	52	12	15	17	8
13	Волгоградская обл.	80	21	21	25	13
14	Саратовская обл.	100	24	28	31	17
15	Татарстан	108	28	30	34	16
16	Краснодарский край	100	25	27	32	16
17	Ставропольский край	100	24	29	32	15
18	Ростовская обл.	105	27	28	33	17
19	Свердловская обл.	148	41	38	46	23
20	Челябинская обл.	100	24	27	33	16
21	Башкортостан	100	27	28	32	13
22	Кемеровская обл.	158	42	41	54	21
23	Новосибирская обл.	100	26	26	32	16
24	Красноярский край	100	27	28	32	13
25	Иркутская обл.	52	14	14	16	8
26	Хабаровский край	122	28	37	38	19
	ИТОГО	2500	630/25,2%	677/27,1%	796/31,8%	397/15,9%

Приложение 2. Основные социально-демографические и социально-экономические характеристики респондентов (по представительному опросу 12.2006 г. в сопоставлении с данными опросов 01.1994 и 12.2002 гг.)

Таблица 1. **Распределение опрошенных по уровню образования** (в абсолютных значениях и в процентах по строке)

	начальное, неполное среднее, неполная средняя школа + профессиональная квалификация	полное среднее + ПТУ	среднее специальное, незаконченное высшее	высшее, магистратура, аспирантура	Всего
человек	324 / 244	674 / 815	923 / 828	493 / 599	2414 / 2491
процент	14% / 10%	28% / 33%	38% / 33%	20% / 24%	100% / 100%

Примечание: В таблице до разделительной черты приведены данные опроса 2002 г., после – данные опроса 2006 г.

Таблица 2. **Распределение опрошенных по возрасту**, в абсолютных значениях и в процентах по строке

	18–24	25–39	40–59	60 и старше	Итого
человек	290 / 301	937 / 967	1095 / 1211	86 / 12	2414 / 2491
процент	12% / 12%	39% / 39%	45% / 49%	4% / 0,5%	100% / 100%

Примечание: В таблице до разделительной черты приведены данные опроса 2002 г., после – данные опроса 2006 г.

Таблица 3. **Распределение опрошенных по социально профессиональным группам**, в абсолютных значениях и в процентах по строке

	раб-ники сельско-го хоз-ва	раб-ники неквал. физ. труда	раб-ники квал. физ. труда	малокв. служащие	раб-ники со ср. спец. образ.	раб-ники с высш. образ.	рук-ли высш. и ср. звена	Бизнес-мены	нет ответа
человек	69 / 52	299 / 287	495 / 707	210 / 223	413 / 267	343 / 383	46 / 57	86 / 92	470 / 206
процент	2% / 3%	12% / 12%	21% / 28%	9% / 9%	17% / 11%	14% / 15%	2% / 2%	4% / 4%	20% / 8%

Примечание: В таблице до разделительной черты приведены данные опроса 2002 г., после – данные опроса 2006 г.

Таблица 4. **Владение предметами длительного пользования** (по всем опрошенным, в %)

	2002 г.	2006 г.
Телевизор	100	99
Холодильник	100	98
Стиральная машина	94	89
Муз. центр	28	51
DVD-плеер, домашний кинотеатр	-	32
Сотовый (мобильный) телефон	16	75
Автомобиль, мотоцикл	40	48
Видеокамера или цифровой фотоаппарат	7	21
Микроволновая печь	-	44
Персональный компьютер	14	37
Спутниковая антенна	1	5
Оригинальные произведения искусства	3	2
Кондиционер	-	4

Таблица 5. Владение недвижимостью и землей (по всем опрошенным, в %)

	2002 г.	2006 г.
отдельный дом, часть дома	23	24
отдельная многокомнатная квартира (3 и более комнат)	25	24
отдельная двухкомнатная квартира	32	35
отдельная однокомнатная квартира	10	10
2 и более комнат в коммунальной квартире	2	2
1 комната в коммунальной квартире	3	3
дача, садовоогородный участок с домом	26	32
садовоогородный участок без дома	19	19
Земля	16	4
подсобное хозяйство	-	13
гараж или место на стоянке	22	12
строю, покупаю жилье	2	1

Таблица 6. Досуговые предпочтения (по всем опрошенным (в % по строке)

	2002 г.	2006 г.
ходят в музеи, на выставки	4	35
ходят в библиотеки	17	29
пользуются интернетом	11	33
ходят в театр, на концерты	6	39
читают серьезные книги	57	34
посещают вечерние занятия	5	12
занимаются с детьми	56	53
занимаются общественной работой	6	11
посещают религиозные службы	6	29
занимаются спортом	22	38
встречаются с друзьями	81	94
выезжают на природу	48	90
посещают бары, рестораны	20	54

Таблица 7. Уровень образования мужчин и женщин в момент опроса (в % по столбцу)

	Мужчины	Женщины	Всего
Начальное или неполное среднее образование (до 7–9 классов)	8 / 3	4 / 3	6 / 3
Неполная средняя школа и профессиональная квалификация	10 / 9	5 / 5	8 / 7
Полное среднее образование, аттестат	21 / 19	16 / 17	18 / 18
ПТУ со средним образованием	12 / 20	8 / 10	10 / 14
Среднее специальное/профессиональное образование	28 / 28	42 / 34	35 / 31
Незаконченное высшее образование, бакалавриат	3 / 3	3 / 2	3 / 2
Высшее образование, диплом	18 / 18	22 / 28	20 / 23
Магистратура, аспирантура	1 / 1	0,2 / 1	0,5 / 1
Итого	100 / 100	100 / 100	100 / 100

Примечание: В таблице до разделительной черты приведены данные опроса 2002 г., после – данные опроса 2006 г.

Таблица 8. Уровень образования мужчин и женщин по возрастным группам на момент опроса (в % по столбцу)

	18–24		25–39		40–59		старше 60	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Начальное или неполное среднее образование (до 7-9 классов)	9 / 4	6 / 2	4 / 2	2 / 5	10 / 3	4 / 2	28 / 14	3 / 0
Неполная средняя школа и профессиональная квалификация	7 / 11	10 / 6	9 / 8	4 / 5	11 / 9	6 / 4	26 / 14	6 / 0
Полное среднее образование, аттестат	22 / 26	17 / 24	20 / 20	15 / 16	23 / 17	16 / 16	8 / 0	6 / 20
ПТУ со средним образованием	14 / 13	7 / 13	12 / 19	9 / 8	13 / 22	7 / 10	4 / 29	6 / 0
Среднее специальное/профессиональное образование	33 / 26	41 / 34	31 / 29	42 / 26	24 / 27	42 / 39	20 / 43	56 / 80
Незаконченное высшее образование, бакалавриат	6 / 8	7 / 9	3 / 2	3 / 2	1 / 1	2 / 1	0 / 0	3 / 0
Высшее образование, диплом	9 / 11	12 / 12	20 / 20	25 / 35	18 / 19	22 / 27	14 / 0	22 / 0
Магистратура, аспирантура	0 / 0	0 / 0	1 / 1	0 / 1	1 / 1	1 / 0	0 / 0	0 / 0

Примечание: В таблице до разделительной черты приведены данные опроса 2002 г., после – данные опроса 2006 г.

Таблица 9. Владение собственностью у мужчин и женщин (в % по столбцу)

	мужчины	женщины	всего
владеют лично совместно с кем-либо фирмой	6 / 9	4 / 3	5 / 6
владеют лично или совместно с кем-либо акциями и др. ценными бумагами	6 / 7	7 / 6	7 / 7
владеют дачей, сад-ог. участком с домом	27 / 32	25 / 32	26 / 32
владеют земельныс уч-ком не менее 0,5 га	5 / 5	3 / 4	4 / 4
владеют гаражом	24 / 11	20 / 12	22 / 12
владеют домом или многоквартирной квартирой (3 и более комнаты)	48 / 50	46 / 45	47 / 48
владеют автомобилем	16 / 56	12 / 41	14 / 48
владеют ориг. произв. искусства и/или имеют свыше 500 книг в дом.библиотеке	7 / 11	3 / 9	3 / 10

Примечание: В таблице до разделительной черты приведены данные опроса 2002 г., после – данные опроса 2006 г.

Таблица 10. Владение навыками жизни в современном обществе у мужчин и женщин (в % по строке)

	вождение автомобиля		общение на иностранном языке		работа на компьютере	
	2002 г.	2006 г.	2002 г.	2006 г.	2002 г.	2006 г.
Мужской	79	77	15	10	32	40
Женский	19	19	14	12	40	48
всего	47	47	14	11	36	44

Таблица 11. Характер проведения отпуска у мужчин и женщин (в % по столбцу)

	Мужчины	Женщины	всего
Дома	63 / 59	58 / 56	60 / 58
на даче или у родственников	25 / 25	29 / 25	27 / 25
на гос.даче, снимая дачу, на турбазе, в доме отдыха	8 / 10	11 / 12	10 / 11
в турпоездке за границу	3 / 6	3 / 7	3 / 6

Примечание: В таблице до разделительной черты приведены данные опроса 2002 г., после – данные опроса 2006 г.

Таблица 12. Оценка состояния своего здоровья мужчинами и женщинами (в % по столбцу)

	Мужчины	Женщины	всего
Вполне здоров(а)	32 / 34	18 / 22	24 / 28
Здоровье удовлетворительное	52 / 57	59 / 60	56 / 58
здоровье слабое, очень слабое	16 / 8	22 / 17	19 / 12

Примечание: В таблице до разделительной черты приведены данные опроса 2002 г., после – данные опроса 2006 г.

Таблица 13. Характер проведения отпуска в разных возрастных группах (в % по столбцу)

	18–24	25–39	40–59	старше 60	всего
дома	65 / 64	61 / 55	57 / 58	71 / 75	- / 58
на даче или у родственников	20 / 18	24 / 24	32 / 27	24 / 25	- / 25
на гос.даче, снимая дачу, на турбазе, в доме отдыха	10 / 13	11 / 13	9 / 9	4 / 0	- / 11
в турпоездке за границу	5 / 5	5 / 8	2 / 6	1 / 0	- / 6

Примечание: В таблице до разделительной черты приведены данные опроса 2002 г., после – данные опроса 2006 г.

Таблица 14. Оценка состояния своего здоровья в разных возрастных группах (в % по столбцу)

	18–24	25–39	40–59	старше 60	всего
Вполне здоров(а)	51 / 53	32 / 38	12 / 15	2 / 8	- / 28
Здоровье удовлетворительное	41 / 42	55 / 54	61 / 68	49 / 50	- / 59
здоровье слабое, очень слабое	7 / 5	13 / 9	25 / 17	49 / 42	- / 12

Примечание: В таблице до разделительной черты приведены данные опроса 2002 г., после – данные опроса 2006 г.

Таблица 15. Владение навыками жизни в современном обществе (в разных возрастных группах) (в % по строке)

	вождение автомобиля		общение на иностранном языке		работа на компьютере	
	2002 г.	2006 г.	2002 г.	2006 г.	2002 г.	2006 г.
18-24	49	43	22	15	50	59
25-39	50	52	18	13	44	51
40-59	44	45	9	8	26	34
60 и старше		17		17		8
всего	47	47	14	11	36	44

Таблицы 16. Показатели уровня жизни разных социально-профессиональных групп

Социально-профессиональная группа	Показатель	среднемесячный заработок		денежный доход на члена семьи		квадратные метры на члена семьи	
		2002 г.	2006 г.	2002 г.	2006 г.	2002 г.	2006 г.
Предприниматели	среднее	10821	24356	5556	13207	27,0	27,7
	медиана	8000	20000	3200	10000	13,5	23,0
	стандартное отклонение	10195	18694	6989	12182	11,5	24,0
Управляющие высшего и среднего звена, чиновники	среднее	14940	20772	5476	12589	16,9	34,2
	медиана	4000	15000	2350	9000	14,1	24,5
	стандартное отклонение	40207	20096	11707	14749	11,3	26,0
Руководители низового уровня (супервайзеры)	среднее	-	12703	-	8157	-	23,7
	медиана	-	10000	-	6400	-	20,0
	стандартное отклонение	-	10954	-	8648	-	15,9
Высококвалифицированные профессионалы	среднее	-	12765	-	9262	-	22,6
	медиана	-	10000	-	6500	-	20,0
	стандартное отклонение	-	10219	-	8416	-	13,8
Профессионалы с высшим образованием	среднее	5138	10235	3140	7374	13,8	22,9
	медиана	3300	7900	2500	6000	12,0	20,0
	стандартное отклонение	16496	7630	2855	5167	8,0	18,1

Продолжение таблицы 16							
Работники со средним специальным образованием	среднее	4190	8803	2946	6547	13,7	20,5
	медиана	3000	8000	2000	5000	11,0	17,0
	стандартное отклонение	5856	5636	5074	4161	8,1	12,8
Технические работники (в сферах бытовых услуг и организации)	среднее	2903	7502	2364	5326	13,1	21,2
	медиана	2500	5600	2000	4300	11,0	16,0
	стандартное отклонение	2153	6201	2058	3688	7,6	14,3
Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	среднее	4038	9414	2314	5842	12,7	22,8
	медиана	3000	8000	2000	5000	10,0	16,0
	стандартное отклонение	3380	6182	1771	3884	7,8	40,8
Не- и полуквалифицированные рабочие	среднее	2786	6386	1890	4834	12,7	21,1
	медиана	2000	5000	1600	4000	10,0	17,0
	стандартное отклонение	3445	6361	1261	3494	7,2	17,7

Примечание: Данные по доходу и заработной плате приведены без учета дефлирующего коэффициента. Поэтому в основной части статьи эти данные не комментируются.

Таблица 17. Характер проведения отпуска разных социально-профессиональных групп (в % по столбцу)

	Предприниматели	Управляющие высшего звена и чиновники	Рук-ли низового уровня (супервайзеры)	Высококвал. профессионалы	Профессионалы с высшим образованием
дома	55 / 43	46 / 30	- / 49	- / 42	47 / 44
на даче или у родственников	13 / 23	26 / 33	- / 29	- / 28	30 / 29
на гос.даче, снимая дачу, на турбазе, в доме отдыха	20 / 18	20 / 12	- / 13	- / 19	16 / 17
в турпоездке за границу	13 / 15	9 / 25	- / 10	- / 11	7 / 10
	Работники со средним специальным образованием	Технические работники (в быт. усл. и организации)	Квалифицированные и высококвал. рабочие	Не- и полуквал. рабочие	всего
дома	53 / 50	62 / 62	67 / 65	60 / 71	83 / 52
на даче или у родственников	31 / 26	29 / 24	26 / 24	34 / 22	10 / 23
на гос.даче, снимая дачу, на турбазе, в доме отдыха	12 / 18	8 / 10	7 / 8	4 / 3	8 / 10
в турпоездке за границу	4 / 7	2 / 4	0,4 / 3	2 / 4	0 / 6

Примечание: В таблице до разделительной черты приведены данные опроса 2002 г., после – данные опроса 2006 г.

Таблица 18. Оценка состояния своего здоровья в различных социально-профессиональных группах (в % по столбцу)

	Предприниматели	Управляющие высшего звена и чиновники	Рук-ли низового уровня (супервайзеры)	Высококвал. профессионалы	Професс-лы с высшим образованием
Вполне здоров(а)	38 / 45	22 / 32	- / 27	- / 31	23 / 25
Здоровье удовлетворительное	54 / 53	67 / 56	- / 63	- / 57	70 / 62
здоровье слабое, очень слабое	8 / 2	9 / 12	- / 10	- / 12	9 / 13

	Работники со средним специальным образованием	Технические работники (в быт. усл. и организации)	Квалифицированные и высококвал. рабочие	Не- и полуквал. рабочие	всего
Вполне здоров(а)	24 / 29	23 / 25	24 / 30	18 / 25	- / 29
Здоровье удовлетворительное	60 / 59	56 / 62	57 / 61	61 / 54	- / 59
Здоровье слабое, очень слабое	15 / 12	20 / 12	18 / 9	20 / 21	- / 12

Примечание: В таблице до разделительной черты приведены данные опроса 2002 г., после – данные опроса 2006 г.

Таблица 19. Использование платных услуг для себя и для детей в различных социально-профессиональных группах (в % по столбцу)

	Предприниматели	Управляющие высшего звена и чиновники	Рук-ли низового уровня (супервайзеры)	Высококвал. профессионалы	Професс-лы с высшим образованием
использовал платные образовательные услуги для детей и взрослых	70 / 57	44 / 56	- / 55	- / 40	56 / 57
использовал платные медицинские услуги для детей и взрослых	100 / 89	100 / 88	- / 78	- / 85	88 / 81
использовал платные оздоровительные услуги для детей и взрослых	23 / 36	30 / 33	- / 28	- / 35	24 / 30

<i>Продолжение таблицы 19</i>					
использовал туристические и образовательные поездки зарубеж	14 / 31	7 / 25	- / 15	- / 22	8 / 17

	Работники со средним специальным образованием	Технические работники (в быт. усл. и организации)	Квалифицированные и высококвал. рабочие	Не- и полуквал. рабочие	всего
использовал платные образовательные услуги для детей и взрослых	51 / 58	40 / 45	35 / 42	27 / 41	- / 48
использовал платные медицинские услуги для детей и взрослых	86 / 80	83 / 83	71 / 85	62 / 75	- / 82
использовал платные оздоровительные услуги для детей и взрослых	22 / 19	17 / 13	13 / 20	13 / 19	- / 23
использовал туристические и образовательные поездки зарубеж	5 / 12	4 / 8	2 / 5	1 / 10	- / 12

Примечание: В таблице до разделительной черты приведены данные опроса 2002 г., после – данные опроса 2006 г.

Таблица 20

Таблица 20. Уровень образования представителей различных социально-профессиональных групп (в % по строке)

Социально-профессиональные группы	Образование																	
	начальное, неполное среднее			неполная средняя школа и проф. квалификация			полное среднее и ПТУ			среднее специальное, проф.			незак. высшее, бакалавриат			высшее, магистратура, аспирантура		
	94	02	06	94	02	06	94	02	06	94	02	06	94	02	06	94	02	06
Предприниматели, коммерсанты	-	-	5,4	2,1	4,7	5,4	27,1	20,9	19,5	18,8	41,9	37,0	6,3	7,0	-	45,8	25,6	32,6
Управляющие высшего звена и чиновники	-	-	-	10,0	-	-	-	14,3	-	20,0	21,4	19,0	-	7,1	-	70,0	57,1	80,9
Управляющие среднего звена	-	-	-	1,1	-	-	3,2	6,3	8,6	34,0	34,4	14,3	5,3	-	-	56,4	59,4	77,1
Высококвалиф. профессионалы	-	1,5	-	-	-	-	-	9,0	7,2	-	14,9	20,6	-	3,0	4,1	100	71,6	58,1
Профессионалы с высшим образованием	-	0,4	-	0,3	0,7	1,0	5,4	6,2	3,8	32,4	28,3	24,8	5,0	4,7	1,0	56,9	59,8	69,2
Технические работники (в сферах бытовых услуг и организации управления)	-	2,4	-	0,6	6,7	2,3	17,9	39,0	19,1	60,5	39,0	45,5	6,8	3,8	3,8	14,2	9,0	29,3
Квал. рабочие	3,3	7,8	2,4	14,1	11,3	11,2	40,4	45,1	53,0	36,4	31,4	27,0	2,1	1,0	2,1	3,7	3,4	4,3
Полуквал. рабочие	7,2	11,4	8,4	24,1	12,4	11,8	33,1	40,5	48,1	27,7	27,8	26,1	2,4	2,3	2,8	5,4	5,4	2,8
Работники квал. и малоквал. труда в сельском хозяйстве	15,4	11,4	7,2	25,0	18,2	27,5	42,3	40,9	55,1	17,3	27,3	8,7	-	-	1,4	-	2,3	-

Примечание: В данную таблицу не включены следующие социально-профессиональные группы: руководители низового звена, работники со средним специальным образованием, высококвалифицированные рабочие и самозанятые.

Приложение 3. Классовые схемы (Голдторп, Шкаратан) и классификатор РГ-100

Таблица 1. Перекрестная схема перевода классификатора РГ-100 в группировку ПСГ и группировку Голдторпа-Эриксона-Портокаро

ПСГ / ГЭП	I (1-й класс служащих)	II (2-й класс служащих)	IIIа (работники нефиз. труда)	IIIб (работники нефиз. труда низкой категории)	IVа (самозанятые с наймом)	IVб (занятые ИТД)	IVв (самозанятые сельхоз. работники)	V (супервайзеры и малокв. тех. персонал)	VI (квал. рабочие)	VIIа (неквал. рабочие)	VIIб (рабочие в сельск. хоз-ве)
1 (предприниматели)	93						1				
2 (управл. высшего звена и чиновники)	20										
3 (управл. среднего звена)	87, 88, 89, 107	76, 101									
4 (руководители низового звена)		43, 59, 65, 67, 74, 106	7, 9,					80, 86			
5 (высококвал. профессионалы)	84	70, 72, 73, 83, 90, 96									
6 (профессионалы с высшим образованием)		14, 55, 60, 66, 69, 71, 75, 81, 82, 85, 95, 99, 102	94, 97	68							
7 (работники со средним специальным образованием)		63, 77, 79, 105	52, 57, 58, 61, 62, 64	30, 35, 53				29, 78, 62			
8 (работники нефиз. труда (в торговле, обслуживании))			54	8, 28, 47, 56							
9 (высококвал. рабочие)									45, 46,		
10 (квалифицированные рабочие)				48					26, 27, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 49, 50, 51		
11 (не- и полуквалифицированные рабочие)										17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25	
12 (работники квал. труда в сельск. хоз-ве)											16
13 (работники мало-квал. труда в сельск. хоз-ве)											15
14 (самозанятые)					2	2					